

ПЕТР ГЛАДИЛИН

КОМЕДИЯ ГОРОДА ПЕТЕРБУРГА

Все права принадлежат автору @.

Гладилин Петр Владимирович
8 926 142 60 56

Москва 2005- 2023г.

Действующие лица:

Федор Апполинариевич Соломатин — писатель.

Маша — дочь Федора Апполинариевича (она же баронесса Сафабель Застурция фон Фарфалия).

Косолапер, он же **барон Филеро фон Фарфалия**.

Дочери Маши и Филеро:

Баронесса Сцифероцида фон Фарфалия — старшая дочь.

Баронесса Астрата Ферлопес Франческо Филеро — средняя дочь.

Баронесса Манифея Фениция Венченция де Фонтен-файер фон Фарфалия Эпедокла — младшенькая.

Кулакова Надежда Юрьевна — домработница.

Камердинер.

+++

Грузчики.

Действие пьесы происходит в наши дни.

Сцена первая

Петербург. Квартира отца и дочери Соломатиных на Бассейной улице. Все готово к переезду: упаковано, сложено, составлено, закрыто чехлами, перевязано.

Федор Апполинариевич. Несчастные стены, сиротинушки вы мои, на кого это я вас покидаю? Вошел я в спальню, гвозди висят над обоями, словно это не гвозди, а ржавые слезы. Посмотри, Маша, я их плоскогубцами выдрал. Мой отец сорок пять лет назад их забивал. Что это за космос, в котором мы проживаем? Что за мироздание? Папы нет, а гвозди остались. Они для меня как родные, заберу их с собой на вечную память!

Маша. Мы из старой жизни переезжаем в новую, незачем над ржавыми гвоздями рыдать! Свежие гвозди купим и вобьем! Новая квартира больше на три комнаты, и на Литейном жить значительно веселее, чем на Бассейной!

Федор Апполинариевич. Нет, нет, Маша. Гвозди заберу. Я для них уже коробочку присмотрел. Эти окна, сколько им отдано жизни. Ах ты хорошая моя квартирочка, брошеночка моя. Маленькая, но уютненькая. Куда я портсигар положил? Машуля, где список вещей? Ты бумажку не потеряла? Мы ничего не забыли?

Маша. Не волнуйся, ничего не забыли. Список на подоконнике.

Федор Апполинариевич. Вот теперь будут у нас, дочка, осьмикомнатные хоромы! Могли ли мы когда-нибудь мечтать? Полжизни человек работает на свое имя. А полжизни имя на человека. Я на диване лежу, а мое имя вкалывает, как ломовая лошадь. Говорил вчера с издателем, с Анциферовым Василием Палычем. Разбирают мои книжечки, хватают, аки горячие блины! Замечательно! Правда, Маша?! И на бумаге и через интернет, в электронном виде тоже превосходнейше покупают!

Маша. Замечательно, папа, все это замечательно! И что переезжаем, и что романы разбирают, как блины!

Федор Апполинариевич. Гремит мое имя! Федор Соломатин! Писатель номер один! А дальше будет больше! Когда грузовик?

Маша. На завтра на восемь утра заказала. Грузовик и бригаду. Ты уже интересовался, папа.

Федор Апполинариевич. Хороший перевозчик-то?

Маша. Мне его Коробейниковы посоветовали, крепкий перевозчик и очень порядочный человек.

Федор Апполинариевич. Коробейниковы — посредственные люди. Тамара одевается безвкусно! Вечно вся в муке и в капусте. Жаль, что Коробейниковы. Коробейниковы для меня не авторитет. Надо было бы проверить, что это за перевозчик. Какой-нибудь аферист, погрузит все наше имущество в грузовик и поминай как звали.

Маша. У тебя, папа, вечно какие-то странные модели в голове. Ты всегда представляешь себе все самое худшее.

Федор Апполинариевич. Такие модели, как ни странно, оказываются самыми жизнеспособными.

Маша. Я никогда не слышала, чтобы перевозчики исчезали вместе с имуществом.

Федор Апполинариевич. А я слышал. Может, ты мой портсигар выбросила, вместе с мусором?

Маша. А хорошо бы, если выбросила, сколько можно твердить, что когда у человека внутри накурено, то это вредно.

Звонок в дверь.

Маша. Я открою.

Входит молодой человек (Косолапер).

Косолапер. Здравствуйте! Бассейная, дом девять?

Маша. Папа, это перевозчик, про которого я тебе рассказывала. Здравствуйте, проходите, пожалуйста. Вот они, наши вещи. Готово, упаковано, перевязано.

Федор Апполинариевич. Все, что нажили. С прошлым разлука предстоит! Тяжело. Камни на душе.

Косолапер. Ничего, за одну ходку свезем. Грузовичок большой. Все поместится.

Федор Апполинариевич. Тогда давайте знакомиться.

Федор Апполинариевич Соломатин! Писатель.

Косолапер. Очень приятно.

Федор Апполинариевич. Моя дочь Маша. Учительница младших классов. Сама в детстве была круглой отличницей, а теперь точно таких же круглых выращивает.

Косолапер. Косолапер. Перевозка мебели. Вот моя визитная карточка.

Федор Апполинариевич (*разглядывает, читает*). Косолапер?

Косолапер. Так точно. Косолапер. Перевозка мебели.

Федор Апполинариевич. Косолапов может быть?

Косолапер. Нет. Косолапер!

Федор Апполинариевич. То есть от косые руки, Криворучко если по-украински? То есть неумелый человек?

Косолапер. Никак нет. Косолапер ничего не значит, это не фамилия.

Федор Апполинариевич. А что это, прозвище?

Косолапер. Нет, не прозвище.

Федор Апполинариевич. Кличка? Так они только у собак.

Косолапер. Нет, не кличка.

Федор Апполинариевич. А что же это, черт побери, означает это ваше Косолапер?

Косолапер. Ничего не означает. Пустое слово.

Федор Апполинариевич. Хорошо, вы Косолапер, и это ничего не значит. А имя и фамилия у вас есть?

Косолапер. Нет.

Федор Апполинариевич. А как вас люди зовут?

Косолапер. Никак. Косолапер.

Федор Апполинариевич. А что же вы пишете в квитанции, в анкете, в графе «Ф.И.О.»?

Косолапер. Я подкидыш. В нашем Чилищенском районе больницы не было, роды у мамы пьяный фельдшер принимал. Посмотрел на меня, повертел в руках, и говорит... у какой косолапер! Потому что у меня были ножки колесом и ручонки тоже. Потом моя мама исчезла, сбежала. Взяли меня на воспитание в детский дом, вот и закрепилось за мной Косолапер. Воспитатели так звали и дети. Прикипело оно ко мне. Нет у меня ни имени ни отчества, я просто Косолапер... и это не прозвище! У меня поэтому свое дело, чтобы никаких анкет не заполнять. Ничего не пишу.

Маша. Пап, может, от чтения визитной карточки к делу потихонечку перейдем?

Федор Апполинариевич. Да погоди ты! А я чем, по-твоему, занимаюсь? Скажите, а паспорт у вас есть?

Косолапер. Нет.

Федор Апполинариевич. Как это понимать, что у вас нет паспорта?

Косолапер. Был паспорт. Там Толик Иванов было написано. Я паспорт сжег. Я не Толик Иванов. Я так решил еще в детстве. У всех людей есть имя, а у меня никогда не будет! Я просто Косолапер! Это пустое, полое слово, полое. Как бутылка.

Федор Апполинариевич. А имя всеж есть? Может Семен, Иоахим, Мустафа?

Косолапер. Нет имени и фамилии тоже. Просто Косолапер. И компания моя называется «Косолапер и Ко!» Давайте к делу перейдем. Вещи ваши посчитаем!

Федор Апполинариевич. Да что значит, что ничего не значит? Во имя имени совершали подвиги и преступления! Шли на костры инквизиции! Герострат сжег храм Артемиды в Эфесе, чтобы его имя звучало в веках! А сколько незабываемых судеб прожито ради имени. Особенно в искусстве, где у каждой

мухи под брюшком имя начертано! А моя жизнь! Я всего себя на имя положил! Недоедал. Недосыпал. Недолюбливал порой! И вот звучит по всей святой Руси... Федор Соломатин! Гений! В пространстве жизни ничего пустого нет и быть не может! Природа не терпит пустоты!

Косолапер. Я на десять минут зашел. У меня дел по горло. Давайте посмотрим ваши вещи. Это что?

Маша. Это буфет.

Косолапер. Хорошо задрапировали. Только надо веревкой перевязать. А это что?

Маша. Это телевизор и компьютер. В пенопласте, чтобы не разбить.

Косолапер. Отлично! А это шкаф?

Маша. Шкаф.

Косолапер. Добро! Завтра в восемь утра мы у вас. Приятно было познакомиться. Думаю, завтра к одиннадцати перевезем. Приятно было познакомиться!

Косолапер уходит.

Федор Апполинариевич. И как это называется? Кому я должен доверить свое имущество? Человеку без имени, без паспорта? Косолапову? Косорукову! Он мне все вещи переколотит!

Маша. Папуль, остановись! Ты писатель номер один, ты Соломатин, твое имя что-то значит, а его имя ничего! Человек решил прожить жизнь без имени, ну и ладно, пусть себе живет!

Федор Апполинариевич. Только через мой труп! Чудакомозгов не будет нас перевозить! Этому не бывать никогда!

Маша. А Коробейниковы говорят, что он хорошо, на твердую пятерку перевозит!

Федор Апполинариевич. Плевать я хотел на Коробейниковых! Коробейниковы зимой ходят в летних ботинках, спят на потолке и не едят ничего, кроме истлевшей капусты!

Маша. Они не спят на потолке, папа! Да! Капуста им нравится. В капусте железо! Они за собой следят. Что плохого? Они хотят высушиться на двадцать пять процентов! Этот самый Косолапер их отлично перевез! С блеском! Я в интернет заглянула, отзывы все хорошие.

Федор Апполинариевич. Я принципиальный человек. Этой косорукой косоногой, косоглазой, кривобокой, сикось-накось перевозке не бывать!

Маша. Но подкидыш же, папа, разве не жалко? Без мамы рос! Без отца!

Федор Апполинариевич. Сиротские песенки! Слышали мы такое в дальневосточных поездах! Вор! Бандит! Загрузит наши вещички в фургон, и ищи-свищи в чистом поле. А кровать моя, между прочим, антикварная,

немецкая! А чешский хрусталь!!! А бюро, за которым я «Червленую осень» написал?! Свой лучший роман! Только через мой труп!

Маша. Надо же людям верить, папа!

Федор Апполинариевич. Кому верить???!!! Не состоявшемуся Толику Иванову? Уж что проще, чем быть Толиком Ивановым? Никто не просил тебя быть Альбертом Эйнштейном или Лео Толстым! Будь просто Толиком, живи себе... копоти небо, ласкай и царапай женщин, и не выкабенивайся! А там, освобождение... могила!

Маша. Всем надо верить. Станным и непонятым людям тоже, не все люди поддаются осмыслению, есть и нетривиальные! Я этому детей в школе обучаю. А родной отец никому не верит.

Федор Апполинариевич. Где ты его нашла, по какому адресу, учительница первая моя?

Маша. На Миллионной, дом номер семнадцать. Там у него контора.

Федор Апполинариевич. Поезжай сейчас же на Мильонную, отменяй заказ!!! Бери мобильный, звони! Отменяй!

Маша. Папа, ну, люди разные бывают, может, он не такой, как все, особенный, он так мир ощущает! Хочет быть неким Косолапером. По первому слову, которое услышал в жизни! Оно наверное поэтому ему и понравилось. Это его личное дело!

Федор Апполинариевич. Он ощущает мир вполне своеобразно, деточка! А я ощущаю, деточка, что без обстановки останусь! Без холодильника и без носок!

Маша. Он хороший человек!!! Это же сразу видно! По глазам!

Федор Апполинариевич. Я в человеческих глазах не разбираюсь. Только в собачачьих! Был у меня терьер, посмотришь ему в глаза, понятно: жрать хочет!

Маша. Ведь ты художник слова, папа! Окстись! Книжки у тебя такие... обмечтаешься, а сам такой заземленный!

Федор Апполинариевич. Если мебель пропадет, как мы афериста искать будем? Что я следователю расскажу? Что Кривоупенко— это не фамилия, а бутылка? Как найти вора без имени и без фамилии?

Маша. Почему преступника? Он еще ничего не украл!

Федор Апполинариевич. Я на косолапом аферисте в новую жизнь не поеду. Пока ты за авансом пойдешь, я найду вменяемого, с именем и прямыми и красивыми руками!

Маша. За один день невозможно! Все заранее зафрахтованы, абонированы!

Федор Апполинариевич. Был бы он действительно Косолапов, ну ладно, бывает, с фамилией не повезло! И то мураши по коже, а вдруг фамилия говорящая? К тому ж еще и безродный! Увезет мебель, с кого спросить? Родственников нет!

Маша. Папик, вечно ты все самое простое усложняешь.

Федор Апполинариевич. Отменяй перевозку, Мария! Дуй на миллионную! Спасай жизни наши!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Улица Миллионная. Контора, надпись «Косолапер. Перевозка мебели».

Маша. Здравствуйте.

Косолапер. А, Бассейная, дом девять? Мария Соломатина?

Проходите!

Маша. Спасибо.

Косолапер. Что вы такая белая, как мел. Лицо все выцвело. Что-нибудь случилось?

Маша. Папа взбрыкнул!

Косолапер. Вы что, хотите отменить заказ?

Маша. Я не хочу, Федор Апполинариевич желает! Он не хочет пользоваться услугами непонятого человека. Папа во всем ясность и красоту предпочитает.

Косолапер. Так, значит, я ему не по вкусу пришелся? Вот какое дело?

Маша. Вы ему безразличны. Ему то, что вы Косолапер, не нравится, что нормального имени и документов нет. Поэтому! Просит вернуть деньги за перевозку. Такие у него пожелания.

Косолапер. Так это же бессовестный грабеж! Я прежде, чем с вами подписаться, другим людям отказал. Перевозка завтра, где же я новый заказ найду? А мне кредит за грузовичок выплачивать!

Маша. То, что имени нет, не нравится. Мама моя при родах умерла, Федор Апполинариевич меня один на ноги поднимал. Я с ним поспорить не могу, он в Петербурге писатель номер один.

Косолапер. Вы меня без ножа режете, Мария! Я на вас, на Соломатиных, заранее целый день отдал! Где я за полдня отыщу нового клиента на перевозку? Грузчикам тоже вперед мною заплачено.

Маша. Я осознаю, это папа уперся.

Косолапер. Не плачьте. Что вы плачете?

Маша. Мне горько. Мне вас жалко, папу жалко и себя тоже, вот я и плачу.

Косолапер. Вам меня жалко?

Маша. Ужасно жалко! Ведь мы вас с Федором Апполинариевичем по ветру пускаем!

Косолапер. Рано вы слезы льете, я себя в обиду не отдам!

Маша. Ладно, пусть по-вашему будет! Забирайте себе аванс, а вторую половину я вам из своего учительского оклада отдам. Только чтобы Федор Апполинариевич ничего не узнал!

Косолапер. Откуда у вас свои деньги, Маша, вы же детей учите!

Маша. У меня через две недели лотерейный билет сыграет.

Косолапер. Лотерейный билет, лотерейный билет! Это слишком туманная перспектива. Может, сыграет, а может, и проиграет!

Маша. Что же нам делать?

Косолапер. Какая вы красавица, и плачете. Перестаньте.

Маша. Ужасное у нас горе, вот они, слезы-то, и льются из глаз. Нехорошо, нехорошо получается.

Косолапер. Найдем выход, выход отыщется. Найдем выход, выход отыщется. Найдем выход, выход отыщется. Найдем выход, выход отыщется. Найдем выход, выход отыщется.

Маша. А мне кажется, что это беспросветная ситуация.

Косолапер. В жизни не бывает беспросветных ситуаций. А давайте перевезем имущество, пока вашего папы не будет дома!

Маша. Это как?

Косолапер. Он выйдет подышать. На бульвары. Или в магазин! Вернется папа, а мебели дома нет. Я быстро сработаю. Я вам еще мебель расставлю. Бесплатно. В свой счет возьму.

Маша. Папа на улицу не выходит. Сидит дома. Смотрит в окно и злится. Денег ожидает. Возвращения аванса.

Косолапер. Давайте ночью перевеземся. Пока он спит!

Маша. Как это?

Косолапер. А вот так. Он уснет! Мы сначала его свезем на новую квартиру! А потом мебель! Просыпается ваш Федор Апполинариевич в новой квартире. Мебель по углам расставлена! Знаете, как обрадуется!

Маша. У папы сон чуткий.

Косолапер. А мы нальем ему в вечерний чай настойку пиона обыкновенного. Прекрасное, сильнодействующее снотворное. Из пушки не разбудишь! Мы его вместе с кроватью перевезем. Без шума и пыли! Ботинки снимем, пойдем с ребятами по паркету в шерстяных носках, овечьих, самых мягоньких! Заснул, проснулся! Мебель на местах!

Маша. Дерзко все это очень!

Косолапер. Соглашайтесь, Машенька! Вот увидите, все хорошо будет. Папа нам еще спасибо скажет!

Маша. Скажет?

Косолапер. Сто процентов скажет!

Маша. А, была не была! Давайте перевозиться.

Косолапер. Завтра в полпервого ночи я у вас. Всего хорошего, Маша! Вы очень красивая женщина, Маша!

Сцена третья

Перевозка № 1

Ночь. Квартира Соломатиных на Бассейной. Федор Апполинариевич спит. Косолапер и грузчики в овечьих носках бесшумно носят мебель. Маша сидит рядом с папиной кроватью и не дышит. Косолапер руководит грузчиками одними жестами (большая немая сцена). Грузчики уносят вещи, уходят. Остаются комод, кровать и папа. Маша смотрит на папу. Только бы не проснулся. Косолапер подходит к Маше. Далее вся сцена идет вполголоса или высоким шепотом.

Маша. А пион-то, получается, самый что ни на есть необыкновенный. Папа спит как младенец. Мне кажется, он так две тысячи лет не спал. Обычно кричит во сне, разговаривает, ругается, зубами скрежещет. А под пионом совершенно другой человек. Как подменили. Кроткий, смиренный такой. Улыбается.

Косолапер. В красивых цветах заключена волшебная сила.

Маша. Я обожаю пионы, они фантастической красоты!

Косолапер. А вы в зеркало на себя, Маша, смотрели? Какого опьянения вы цветок! Роза. Благоухающая коралловая роза!

Маша. Да что вы, я скорее фиалка, одинокая, скромная, стою себе в стакане на подоконнике и наблюдаю за трамваями.

Косолапер. Так я вам и поверил, что фиалка, вы все о себе знаете, по сто раз на день в зеркало смотрите! Я на полу в кабинете нашел. Письмо, старое, желтого цвета. Видно, при перевозке из книги выпало. Незаклеенное!

Маша. Дайте гляну.

Открывает конверт, достает письмо, читает, меняется в лице.

Косолапер. Что такое?

Маша. Письмо. От мамы. Не умирала она. Отцу меня четырехмесячную подбросила.

Косолапер. Да ладно!

Маша. Хотите, прочитаю?

Федор Апполинариевич (*во сне*). Все начиналось с бактерий. Потом пришли динозавры. Их вытравили млекопитающие и обезьяны. Они привели с собой человека. Человек написал роман в стихах и прозе. Роман — это кульминация жизни на планете Земля. Человек, пишущий роман — это вершина эволюции. Особенно хорош роман страниц на четыреста-пятьсот!

Маша. Заговорил. Перехвалила я настойку.

Косолапер. Неожиданно. Испугался я. Читайте же! Что там в письме?

Маша. Папа правду от меня всю жизнь скрывал.

Федор Апполинариевич (*во сне*). Все, что человек говорит, это становится текстом великой таинственной книги. Например, мама говорит мне: «Федя, сходи в магазин и купи рыбу». Амба! Ее слова останутся в космосе на века. Я знаю, как и где фиксируются слова, но вам не скажу. Вся жизнь человечества есть написание гигантской книги. Автором этой книги выступает Всевышний. Все писатели в этом смысле богоподобны! Женщины, дарите писателям любовь. Вы будете за это щедро награждены судьбою. Мужчины, отдавайте писателям свои сбережения, носите их на руках. Дайте выступающему воды! Что за неуважение!?

Маша. Бедный папа, мозг не может отключить.

Косолапер. Читайте, что там написано?

Маша. «Дорогой, мой милый Феденька!» — Почерк красивый. Мамин почерк. — «Ты нанес мне чудовищную боль своим страшным признанием, что ни я, ни тем более твоя дочка четырехмесячная Машенька тебе не нужны. Что для тебя самое главное в жизни — это литература, служению которой ты целиком собираешься посвятить себя. Если я родила тебе дочку, а она тебе оказалась не нужна, тогда возьми ее целиком, но без меня. Я оставляю тебе Машу и уезжаю вся в слезах. Куда, не скажу. Не ищи меня, ты нигде и никогда меня больше не найдешь. Зря я тебя любила. Какой-то ты зацикленный на литературе и очень заумный. Может, воспитание девочки сделает тебя добрым и понятным человеком. Твоя Елизавета». Число. Дата. Подпись.

Косолапер. Вот это история. Шармант!

Маша. Что же ты наделала, мама!

Появляются два грузчика.

Косолапер (*жестикулируя*). Комод берите.

Грузчики забирают комод, уносят.

Косолапер. Все вещи в машину погружены. Осталась только кровать. Ребята вернутся, и мы папу понесем.

Маша. А место для папиной кровати в кузове оставили?

Косолапер. Оставили.

Маша. А если он проснется по дороге?

Косолапер. Я мягко повезу, сам за руль сяду. Не проснется.

Федор Апполинариевич (*во сне*). Строчки ровные. Перья все заточены, и пишу я красивенько, ровнехонько, убористо!

Маша. О, папа, папа, что же ты натворил в далекой молодости! Зачем ты маму обидел?!

Федор Апполинариевич (*во сне*). Танцы в отличие от литературы не передают мыслей человека. Они больше скрывают, чем рассказывают. Заберите бубен, я его в руки не возьму! Я буду танцевать с гусиным пером и чернильницей. На худой конец с печатной машинкой. Уберите Штрауса, я буду танцевать под хоральную прелюдию Иоганна Себастьяна Баха!

Косолапер. С кем-то спорит. Это диспут. Я бывал однажды на таком мероприятии, в Доме ученых.

Возвращаются трое грузчиков.

Маша. А мы папу по дороге на кочке не вытряхнем?
Не потеряем?

Косолапер. Не переживайте, не потеряем! Не таких людишек перевозили!
Полководцев, архимандритов, полярников!

Маша. Архимандритов?

Косолапер. Архимандритов!

Маша. Хорошо, послушаюсь вас. А кто еще в кабине будет?

Косолапер. Никого больше, только вы и я.

Маша. Это хорошо.

Косолапер. Сейчас погрузим Федора Апполинариевича и поедем в новую жизнь!

Маша. Как скажете, я на вас полностью положились. Была не была!

Косолапер (*грузчикам*). Ну, что, взяли? Дружно! Понесли!

Косолапер и грузчики берут кровать со спящим Федором Апполинариевичем, поднимают, плавно выносят.

Косолапер (*неся кровать*). Аккуратненько, аккуратненько, аккуратненько!
Дивно, дивно несем! Ровненько, господа, ровненько! Шармант, шармант, шармант!

Маша. Эх, ноги у папы на улице! Будильник забыли!

Косолапер. Хватайте будильник, догоняйте, Машенька!

Косолапер с рабочими уходит. Маша хватается будильник, догоняет.

Сцена четвертая

Новая квартира Федора Апполинариевича Соломатина. Рабочие под руководством Косолапера вносят хозяина.

Входит и Маша с будильником.

Косолапер (*командует*). Аккуратненько, аккуратненько, аккуратненько! Дивно, дивно несем! Ровненько, господа, ровненько! Заходи левее, прямо. Шармант, шармант, шармант! Ставим мягонько, нежненько ставим.

Маша. Вот здесь, подальше от окна ставьте. Папе оконные сквозняки противопоказаны.

Косолапер. Ставим подальше от окна!

Маша. Эх! Не надо было мне соглашаться на перевозку!

Косолапер. Почему, Машенька?! У нас пока все гладко.

Маша. Нервы заканчиваются, волнуюсь я ужасно.

Ставят кровать подальше от окна. Рабочие уходят разгрузать, повинуюсь деловым жестам Косолапера.

Косолапер. Вы знаете, я свою первую учительницу помню. Ее Ангелиной Алексеевной звали. Хорошая была женщина: мягкая, покладистая, нежная. Вы на нее очень, очень похожи. Это сходство я сразу обнаружил, только вас увидел!

Маша. К чему вы меня склоняете, не пойму?

Косолапер. Маша, давайте завтра в кино сходим?

Маша. На какое кино?

Косолапер. На любое кино! Безразлично!

Маша. А почему вам безразлично?

Косолапер. Потому что я не на кино, а на вас смотреть буду.

Федор Апполинариевич (*во сне*). На компьютере сочинять нельзя! Я не верю в литературу, рожденную электрическим способом. Литература — искусство рукотворное. Или пером скрипи, или печатай на «Ундервуде»! Тогда появится литература! Между бумагой и буквой не должно быть электрического разряда. Электрический разряд — плохой посредник. Все то, да не то!!!

Маша. Зачем на меня смотреть?

Косолапер. Любоваться вами стану.

Маша. Вы на меня смотреть будете, а я куда смотреть стану?

Косолапер. Я на вас смотреть стану, а вы на кино.

Маша. А что мне на кино смотреть. В кинематографе давно уже души нет.

Косолапер. Тогда просто пойдем погуляем. Под ручку. В парк.

Я знаю закуточек, где есть лебеди. Или в лес.

Маша. Какой еще лес?

Косолапер. За город поедem. В Парголово!

Федор Апполинариевич (*во сне*). Повсюду разбросаны идеи. Их много. Хватайте их, не задумываясь. Пишите по ним произведения. Отправляйте мне по почте. Мой адрес. Петербург. Писателю номер один в Петербурге! Соломатину Феде! Третий этаж!

Косолапер. Шебутной.

Маша. Никак не угомонится.

Косолапер. А давайте никуда не пойдём и не поедем. Ни в кино, ни в Парголово! Выходите за меня замуж, Машенька! Без прогулок и без кинематографа. И то и другое — глупость. Когда мы друг другу в глаза посмотрели, и так все понятно стало.

Маша. Я согласна. Вы мне нравитесь. Вы рискованный.

И необычный. Безымянный какой-то.

Косолапер. Позвольте я вам руку поцелую.

Маша. Целуйте.

Косолапер нежно целует Машину руку.

Маша. Странно.

Косолапер. Что странного, Маша?

Маша. Слышите? Не топчется никто.

Косолапер. Не топчется.

Маша. Сколько уже минут проскочило, а мебель не приносят!

Косолапер. Не знаю.

Маша. Слышали?

Косолапер. Что?

Маша. Звук какой-то дикий разрезал тишину ночи.

Косолапер. Нет.

Маша. Почему не слышали?

Косолапер. От руки вашей опьянел.

Маша. А я слышала, сильный, невероятный звук.

Косолапер. А на что было похоже?

Маша. На гудение мотора. Тяжело загруженной машины.

Косолапер. Странно. Минутку. Я сейчас вернусь. Сбегаю, гляну!

Косолапер тихонечко выходит.

За окном мощно гудит мотор и визжат тормоза.

Федор Апполинариевич (во сне). Позволительно ли писателю для привлечения самой широкой аудитории использовать нецензурную лексику? Если в книжках будут бранные слова, а книжки будут талантливые, то на уроках литературы будет стоять мат-перемат! Учительницы будут краснеть и выбегать из класса. Кому мы доверим будущую поросль? Алкоголикам? Или пригласим к преподаванию прапорщиков и хамов?

Маша. Папа, ты весь переполнен творческой энергией, как мартовские ручьи вешними водами! Можешь ты помыслить во сне о чем-нибудь, кроме литературы? Невозможно же так интенсивно изнурять себя творчеством. Как же возможно жить на таком пике?!

Косолапер (*вбегают, кричит громким шепотом*). Угнали! Грузовик с мебелью угнали! Вместе со всем вашим имуществом! Я за ним двести метров пробежал, пока он не исчез за поворотом!

Маша. Что же мы с вами наделали? Что мы папе-то скажем?

Косолапер. Я в милицию. Ждите. Есть надежда. Верьте мне, я люблю вас, я обязательно... обязательно вернусь!

Косолапер убегает, на ходу надевая ботинки на носки из овечьей шерсти.

Сцена пятая

Новая квартира на Литейном. Утро. Рассвет. Маша с мокрым платком в руках сидит у постели отца.

Федор Апполинариевич открывает глаза.

Маша. Доброе утро, папа.

Федор Апполинариевич. Где я?

Маша. Дома, папа!

Федор Апполинариевич. У кого дома?

Маша. У нас дома. В новой квартире.

Федор Апполинариевич. На Литейном?

Маша. На Литейном! Да, на Литейном!

Федор Апполинариевич. А как я здесь оказался? Я на Бассейной спать ложился!

Маша. Ложился спать на Бассейной, а проснулся на Литейном!

Федор Апполинариевич. Не понимаю, в голове не склеивается!

Маша. Мы тебя перевезли, папа!

Федор Апполинариевич. Как это перевезли?

Маша. Так это, перевезли, и все тут! Пока ты крепко спал.

Вместе с кроватью перевезли!

Федор Апполинариевич. Кто это — вы?

Маша. Кто — мы?

Федор Апполинариевич. Кто это — вы?

Маша. Я и...

Федор Апполинариевич. Я и кто?

Маша. Я и!..

Федор Апполинариевич. Я понимаю, Маша, что ты!

А кто еще?!

Маша. Я и...

Федор Апполинариевич. Кто этот второй, с кем ты меня перевозила?

Маша. Я не могу сказать.

Федор Апполинариевич. Почему ты не можешь сказать?

Маша. Язык не поворачивается.

Федор Апполинариевич. Ты и????!!!..

Маша. Не могу!

Федор Апполинариевич. Говори! Поворачивай, черт побери, кукла, свой язык! В шкафу было четыре пары новых ботинок! Ты и кто?

Маша. Я и!..

Федор Апполинариевич. Ты и Лапер? Тупер? Мупер? Бабакер?

Маша. Да, папа!

Федор Апполинариевич. Зачем вы меня перевозили? Говори, иначе я с ума сойду!

Маша. Ты деньги попросил вернуть, а Косолапер уже рабочих нанял, аванс им отдал. Мне его жалко стало. Вот мы и решили сами сделать перевозку! Ночью! Пока ты спишь! Погрузили тебя и мебель в толиков грузовичок.

Федор Апполинариевич. Он не Толик, он от человеческого имени отказался! Предал его! Не называй его Толиком! У меня всю жизнь полно Толиков! Толики нормальные все люди! Его фамилия Мумырин! Пустомозин! Мозговертов!

Маша. Я тебе пионовой настойки в вечерний чай бухнула, чтобы тебя спящего перевезти! А после мебель расставить. Просыпаешься ты — ни хлопот, ни забот! Мебель по углам стоит! Мы хотели тебе сюрприз сделать.

Федор Апполинариевич. Сюрприз сделать?

Маша. Ага.

Федор Апполинариевич. Говори дальше, кукла, не молчи! Мебель где? Где имущество? Что далее случилось?

Маша. Принесли тебя спящего на кровати в дом. А мебель все не несут. Пошел наш перевозчик смотреть, что там. Почему задержка, и что это завизжало там, за окном. А грузовичок-то!..

Федор Апполинариевич. Что грузовичок-то? Говори!

Маша. И угнали! Вместе с имуществом.

Федор Апполинариевич. Кто угнал? Косомозгов угнал? Криволапенко-Бабамырин?

Маша. Не он! Он со мною в комнате был. Мы у твоего изголовья разговаривали.

Федор Апполинариевич. У моего изголовья разговаривали?

Маша. Да.

Федор Апполинариевич. О чем разговаривали?

Маша. Он мне предложение делал. Руки и сердца.

Федор Апполинариевич. И ты, разумеется, согласилась!

Маша. Мне тридцать скоро, папа*. Сколько можно в старых девушках пребывать? Он милый, он свою первую учительницу помнит. Я на нее похожа! И вообще, мы друг в друга с первого взгляда! Пожизненно! Мой он по душевным качествам, и по развитию мой!!! Я согласилась, папа, я так счастлива!

Федор Апполинариевич. Ты понимаешь, твой Косорылов — вор! Бандит! К ровопийцев он!

Маша. Он честный. Он хороший человек! Он нашей мебели не брал!

Федор Апполинариевич. Где он? Я хочу увидеть его!

Маша. Запил с горя! Он тоже пострадал. Мы мебель потеряли! А он свой личный грузовичок. А ему за машину еще кредит выплачивать. Мы всю ночь до утра по Петербургу ходили и рыдали! Я пойду за него замуж! Не отговаривай меня!

(* От возраста актрисы)

Федор Апполинариевич. И что, ты его наименование возьмешь?

Маша. Возьму! А что, красиво! Мне нравится! Мария Косолапер. В этом есть что-то французское.

Федор Апполинариевич. И что, ты тоже будешь называться пустым, чудовищным именем? Что люди скажут? Смотрите... вот Косолаперша пошла. У тебя красивая фамилия- Со-ло- ма-ти-на!

Маша. Да, буду! Косолапершей я буду, папа!!! Потому что люблю! Будь он хоть Крысин, хоть Гнидолюбов или Предателей! Или Жиромордов! Хоть Оглы - Алаверды- головой во все пруды! Или даже пусть будет Авессалом Дураков! Сердцу любящему не прикажешь! При чем тут слова, когда сердце в куски рвется. А имущество мы тебе отыщем и вернем! Обещаю! Торжественно клянусь! Маминой памятью клянусь!

Федор Апполинариевич. И детей от Васисуалия Мутного хочешь народить?

Маша. И детей нарожаю. Мы уже договорились. Когда от нахлынувшей любви рыдали. Семерых рожу!

Федор Апполинариевич. И все они будут Белебердакерами?

Маша. Мне без разницы. Хоть Бардакерами, хоть Бабодуриными, хоть, Косомозговыми, хоть Белебердакерами! Я втрескалася, отец! Я обожаю этого мужчину! Не он украл! Он чистый, порядочный!

Федор Апполинариевич. Я твоего женишка-афериста безымянного за чугунную решетку упрячу! В тюрьме ты с ним, чокнутая училка, плодиться будешь!

Маша. Мы все тебе вернем! До последней булавки, зубочистки, листочка... все вернем! Мой Косолаперушка — честный человек!

Федор Апполинариевич. Я же тебя на пианино учил, ухо твое фонетике, музыкальности дрессировал! Было уже сказано мною... Косолапер - это дурно, неблагозвучно звучит! Отвратительно! Где твой музыкальный слух и вкус? Ко-со-ла-пер! Это же фонетическая катастрофа! Кацалапер!!! Коцые-лапки! Тьфу! Одни углы в буквах! Не хочу я произносить это имя всю оставшуюся жизнь! Это мука! Мне такие катастрофические родственники не нужны!

Маша. Тебе нужны родственники с благозвучными и красивыми именами?

Федор Апполинариевич. Разумеется, вот именно! Дай телефон!

Маша. Зачем?

Федор Апполинариевич. Мне надо позвонить.

Маша. Куда?

Федор Апполинариевич. В полицию!

Маша. Нет телефона.

Федор Апполинариевич. Где мой мобильный?

Маша. На грузовичке угнали!

Федор Апполинариевич. Воды! Мне дурно! Пить! Что стоишь, как мумия египетская?! Воды мне налей! Да будет тебе известно, у меня в шкафу за перегородкой семь миллионов наличными лежало! И в евро три косяря!

Маша. Папа, не могу! Не получается воды тебе дать!

Федор Апполинариевич. Почему? Она же в трубах гудит!

Маша. Стаканы тоже угнали! Папа! Чашки, стаканы, все упаковано было!

Федор Апполинариевич. Вон из дома! На улицу! Под мост! На вокзал! В картонную коробку! Вон! Бомжевать! Будь ты проклята! Навеки! Это я тебе говорю! Твой отец! Федор Соломатин!

Маша. Как ты смеешь, папа! Я же дочка твоя. Единственная!

Федор Апполинариевич. И потомство твое пусть будет проклято! Косолаперова мутная, неясная живность! Вон!!!!!!!!!!

Рыдая, Маша уходит.

Сцена шестая

Новая совершенно пустая квартира писателя Соломатина. Домработница и пенсионерка Кулакова Надежда Юрьевна прибирается, наводит красоту. Писатель номер один Петербурга Федор Апполинариевич Соломатин сидит за столом с перевязанным горлом (простуда) и пишет от руки. Когда мысль гения сверлит небо, разговаривать категорически запрещено. Наконец Федор Апполинариевич

встает из-за стола, чтобы походить по диагонали. Надежда Юрьевна трет, Федор Апполинариевич движется по диагонали.

Надежда Юрьевна. Как же так можно, Федор Апполинариевич, в пустом доме жить?! Не по-человечески как-то все это. Мебелишку хоть какую прикупили бы. Тиражи у вас немыслимые, а живете, как триста спартанцев!

Федор Апполинариевич. Мне чужая мебель не нужна, вот вернут иудушки мне мою обстановку, тогда все бывшее расставлю по углам и заживу полной грудью!

Надежда Юрьевна. Когда еще вернут? Уже семнадцать лет возвращают.

Федор Апполинариевич. Обещали сегодня комод поставить. Выкупили в Выборге, в комиссионном магазине.

Надежда Юрьевна. Долго уж больно возвращают. А помещение ваше все необставленное простаивает в торричеллиевой пустоте!

Федор Апполинариевич. Кое-что вернули. Вот он, родной ковер. Торшер. Две чашки японские. Люстру. Мыльницу с достопамятным обмылком. Пегаса бронзового с крыльями. Будет еще и комод. Если, конечно, не обманут.

Надежда Юрьевна. Негусто! За столько-то лет.

Федор Апполинариевич. Кто ж спорит. Негусто!

Надежда Юрьевна. А Машу, дочку, последний раз когда видели?

Федор Апполинариевич. Лет пять—семь назад. И сегодня бы отказал в свидании, если б она не рассказала мне, что комод отыскала.

Надежда Юрьевна. Может, махнуть рукою на пропавшее барахло, снять проклятие? Простить дочку-то?

Федор Апполинариевич. Это не барахло, многоуважаемая Надежда Юрьевна! Это вещи из моего литературного быта. Вот умру, пожелают мои читатели сделать музей. Что они в моем музее поставят? Новодел? Вещи, соструганные по фотографиям? В прошлом году был в Ясной Поляне у графа Толстого! Все фальшивое, от рубахи до кожаного дивана! Скажите, а где здесь Толстой?! Я был возмущен обманом! От злости мне хотелось выть и топтать ногами!

Звонок.

Федор Апполинариевич. Откройте, Надежда Юрьевна.

Что вы застыли?! Это они!

Надежда Юрьевна открывает. Входит Маша и Косолапер. Супружеская чета в муках вносит комод.

Маша. Здравствуй, папа.

Косолапер. Здравствуйте. Тяжелый, собака!

Ставят комод на пол.

Федор Апполинариевич. Я просил, чтобы одна пришла!

Маша. Одна я бы не донесла, уж больно комод неподъемный!

Федор Апполинариевич. Наняли бы человека!

Маша. Папа, нам с детьми на хлеб не хватает. А ты говоришь — человеку заплатить! Голодаем, недоедаем, только бы ваши, папенька, вещи вернуть.

Федор Апполинариевич. Не надо, не разжалобишь, я слезы не пролью! Поставьте комод в угол. Сюда.

Маша. Он?

Федор Апполинариевич изучает комод.

Федор Апполинариевич. Истинная вещь. Доподлинная. Вот здесь след от сабли. Любил дед мой, Лука Матвеевич, с палахом танцевать после трехсот грамм беленькой. Ступайте. Благодарю. Ждем новых поступлений!

Маша. Я так соскучилась по тебе, папа. Можно, мы на минуточку у тебя задержимся?

Федор Апполинариевич. Зачем?

Маша. Посмотрю на тебя, полюбуюсь, может, обнять позволишь!

Федор Апполинариевич. Зачем на меня смотреть? Что я, рубль золотой?

Маша. Я скучаю по тебе, папа.

Федор Апполинариевич. Не надо по мне скучать.

Маша. Почему?

Федор Апполинариевич. Не хочу, чтобы ты по мне скучала. Что здесь непонятного?

Маша. Сжался надо мной, я же дочка твоя, кровинушка твоя.

Федор Апполинариевич. Ступайте откуда пришли!

Маша. Как же так, внучки твои взрослые уже, старшей семнадцать, тебя ни разу в жизни не видели. Некрасиво, папа. Ты бы слышал, что люди говорят!

Федор Апполинариевич. Мне плевать, пусть что угодно говорят! Всего вам наилучшего.

Косолапер. Мы на след буфета вашего родового напали, Федор Апполинариевич!

Федор Апполинариевич (с оживлением, аффектом).

Буфет нашли?

Маша. Нашли, папа!!! Совершенно неожиданно.

Косолапер. Позавчера всплыл в Воронеже.

Федор Апполинариевич. И когда же я его получу?

Косолапер. Вот накопим денег и выкупим ваш буфет.

Федор Апполинариевич. Ну, вот и дивно. Это дает надежду. До свиданья!

Маша. Нехорошо получается, папа. У тебя три внучки, старшей уже семнадцать, а они своего дедушку живого в глаза не видели. Неужели ты не хочешь на внучек посмотреть? Младшенькая такая муся, очень на тебя похожа.

Федор Апполинариевич. Мне до чужих людей дела нет.

Маша. Внучки, деточки, они разве чужие? Это жестоко, папа!

Федор Апполинариевич. А не жестоко оставить немолодого уже человека в безвоздушном пространстве, без привычных вещей, без органичных для моего тела стульев, без дивана, без исторических галстуков, которые были подарены после первого свидания моей мамой. Моей памяти не на что опереться! Верните мне знакомые, привычные ощущения! Верните в мою жизнь характерную для нее предельную ясность!!!

Маша. Мы стараемся, будет ясность! Мы ищем! Мы не останавливаемся.

Косолапер. Мы не сдаемся. Мы не только буфет разыскали, мы напали на след американского письменного стола!

Федор Апполинариевич. Без которого я прожил уже семнадцать лет! А я на нем «Мама мыла раму» в пять лет, между прочим, детской рукой написал!

Косолапер. Можно два слова произнести в свое оправдание?

Федор Апполинариевич. Нет вам оправдания. Нужно оглохнуть, чтобы согласиться на такое неблагозвучное не имя! Какая вопиющая безвкусица! Слово несет в себе не только смысл, этику, но и эстетику!

Маша. Папа, мой муж больше не Косолапер!!! Не Бу-ба-бо! Не Чудакомозгов! Не Белебердакер! Чтоб слух твой нежно заласкать, мы все переименовались полностью!

Косолапер. С тем, чтобы доставить вам удовольствие!

Маша. Мы подумали и решили. Ты прав! Абсолютно, совершенно прав! Мы взяли изящные, возвышенные имена. Чтобы тебе угодить.

Федор Апполинариевич. К то же вы теперь, позвольте узнать?

Косолапер. Меня теперь зовут Филеро! Филеро Фарфалия! Это мое полное имя.

Маша. Правда, красиво звучит! Неужели тебе не нравится?

Федор Апполинариевич. Филеро Фарфалия?

Филеро. По-итальянски «фарфалия» — это бабочка.

Чтобы великолепно, изысканно было!

Маша. И я теперь вовсе не какая не Косолаперша, я Сафабель, папа!

Федор Апполинариевич. Ты Сафабель?

Маша. И не просто Сафабель! Я Сафабель Застурция! Чтобы ласкало твой тонкий литературный слух и доставляло тебе, папа, эстетическое на-

слаждение! И муж мой не просто Филеро Фарфалия! Он Филеро фон Фарфалия. Потому что Филеро фон Фарфалия куда многообещающе и пышно звучит, чем просто Филеро Фарфалия!

Филеро. Мы ради благозвучия и еще одного великолепного «фон» добровольно и самостоятельно приняли баронство!

Маша. Теперь мой муж — барон Филеро фон Фарфалия. А я баронесса Сафабель Застурция фон Фарфалия! Вслушайся только! Сколько в этом прелести! Только, чтобы помириться с тобой, папа мы благозвучно зазвучали! Это, конечно, в каком-то смысле самозванство, но оно не преступно, потому что ради красоты! Вот документы. Здесь крупными буквами написаны наши имена. Они трудные. Чтобы ты их запомнил!

Федор Апполинариевич. То есть я это должен выучить?

Маша. Ну конечно. А когда ты простишь нас и познакомишься с внучками, мы дадим тебе новый листочек, и там будут написаны детские имена. Они у девочек просто невероятные!

Федор Апполинариевич. Вон подите! Подите вон!!! Я вам не верю! Это все не от души, неискренне! Я простужен. Всего хорошего.

Филеро. Мы уйдем! Только можно обратиться к вам с заключительной просьбой?

Сафабель. Папа, с последней. Филеро пишет книгу.

Филеро. Роман.

Сафабель. О любви.

Филеро. «Апельсиновый Айсберг».

Сафабель. Так называется.

Филеро. Немного вычурно.

Сафабель. Но так лучше, чтобы прославиться!

Филеро. И сделать огромные тиражи.

Сафабель. Вызывающее, конечно, название.

Филеро. У нас есть план. Вырваться из нищеты!

Сафабель. Девочки же у нас.

Филеро. Старшей уже семнадцать. Одни ботинки десять тысяч стоят.

Сафабель. Это произведение — наш единственный шанс!

Филеро. Я уже десять лет пишу. Мне осталось еще страниц тридцать.

Сафабель. Я принесла для тебя одну главу. Ты не смог бы дать свое литературное устное заключение? Насколько это хорошо?

Филеро. И вообще, имеет ли смысл мне этим делом заниматься?

Сафабель. И надеяться на успех.

Филеро. Сделайте заключение, и мы исчезнем!

Надежда Юрьевна. Прочтите, Федор Апполинариевич. И они уйдут. А так еще долго пальцем на дверь указывать придется. Что здесь, три паршивые странички!

Федор Апполинариевич. Если я прочту, вы правда уйдете?

Сафабель. Честное слово!

Федор Апполинариевич. Очки! Надежда Юрьевна!

Надежда Юрьевна приносит очки.

Федор Апполинариевич. Дайте свету! (*Надевает очки на нос, читает.*) В истории не было прецедентов, чтобы перевозчики мебели становились хотя бы сносными писателями.

Тишина. Федор Апполинариевич царственно читает.

Федор Апполинариевич. Не может быть!

Сафабель. Вот видишь, папа!

Федор Апполинариевич. Невероятно.

Сафабель. Ну же!

Федор Апполинариевич. Это вы написали?

Филеро. Да, я.

Федор Апполинариевич. Грандиозно! Какой стиль!

Сафабель. Папа, милый!

Федор Апполинариевич. Это запредельно гениально!

Сафабель. Папа, как я тебя люблю.

Федор Апполинариевич. Это находится за гранью человеческого мозга!

Сафабель. Папа, это так широко, так щедро! Папа, родной, спасибо! Ты такой гениальный!

Федор Апполинариевич. И что, весь роман написан подобным стилем?

Филеро. Да, весь роман.

Федор Апполинариевич. Невероятно!

Сафабель. Правда, Филеро талантлив?

Федор Апполинариевич. Какая острая мысль! Какая свежесть!

Сафабель. Правда, мощно, папа?

Федор Апполинариевич. Ты понимаешь, что написал?

Филеро. Еще нет, наверное, не до конца.

Федор Апполинариевич. Если вы опубликуете это произведение, вся моя жизнь в литературе станет полной бессмыслицей! На следующий день после первой публикации вашей книги обо мне никто не вспомнит! Никогда!

Сафабель. Я не сомневалась в твоей литературной, художественной порядочности и честности! Как можно не гордиться тем, что я твоя дочь, как можно тебя не любить?!

Федор Апполинариевич. Будь ты проклят гадкий Мозгососов! Ты украл у меня мою жизненную обстановку, украл мою единственную дочь, мерзавец, а теперь, злодей, взялся вытравить мое имя из мировой литературы!!! Чтобы лишить мою жизнь последних останков смысла!

Сафабель. Папа, разве красиво так на молодого писателя кричать. Надо, наоборот, восхищаться, если тебе понравилось, и поить его чаем с вареньем. Разве знаменитый Четвертаков так с тобой поступил, когда ты ему первый рассказ принес?!

Федор Апполинариевич. Думаешь превратить мое бытие в ничто, в пустоту кимвальную-торричелиеву! Но я не дамся! Я сам тебя первый в порошок сотру!

Филеро. Я же говорил, надо было взять третью главу, она написана значительно слабее. И там есть неудачное описание второго свидания Матерого. Может, и не произошла бы яростная вспышка сознания!

Федор Апполинариевич. Это бессовестно, аморально так блистательно писать! Бесчестно по отношению к человеку, который всю свою жизнь положил на владение словом и нацелился на нобелевку по литературе! Разве допустимо такое легкое и завораживающее владение метафорами, эпитетами и метонимиями! Я этого не допущу! Я знаю, что ты задумал! Ты хочешь свести меня, как чернильное пятно со скатерти! Этого никогда не будет, понятно тебе? Ты не Мозгососов, ты хуже, ты Судьбососов! Ты ластик, ты стираешь меня из жизни и литературы, словно я слово, написанное на бумаге мягким карандашом! !

Филеро. Можно только два слова сказать в свое оправдание?!

Надежда Юрьевна. Уходите, Христа ради. Ступайте все! Побагровел весь! Как бы удара с ним не случилось!

Федор Апполинариевич. Вон, вон! Подите вон! Чтобы духу вашего здесь больше не было! Не нужен мне воронежский буфет и американский письменный стол! Ничего мне не нужно! Вон пошли отсюда, родственнички! Вон!!! Чтоб глаза мои на вас больше не смотрели!

Сафабель. Пойдемте, папа закипел.

Федор Апполинариевич. Ступайте, ступайте! С моим праведным гневом вам не совладать!

Сафабель. Прости, папа. Мы не хотели, чтобы так вышло, прости! Кто ж знал, что тебе так сильно понравится!

Фарфалии уходят.

Надежда Юрьевна. Что же вы делаете со своим сердцем, вам нервничать нельзя. Успокойтесь, Федор Апполинариевич!

Федор Апполинариевич. Вы только послушайте, как это великолепно все написано! «Под ногами захрустел снег, я сладко потянулся, вдохнул холодный и влажный воздух, застегнулся на все пуговицы и пошел куда глаза глядят. Снегопад начался во время оттепели и не прекращался ни на минуту. Улица уходила в бесконечность, деревья процеживали снежный напиток, оставляя самое вкусное на ветвях». Не получится! Ничего у вас не получится! Мы не гнилыми нитками пошиты! Мы ответим, мы вам еще как ответим! Так ответим, что у вас алфавит из головы повыскочит! Деревья, видите ли, процеживали снежный напиток, оставляя самое вкусное на ветвях!!! Ах-ах-ах!

Сцена седьмая

Крохотная, нищая однокомнатная квартира барона и баронессы фон Фарфалия. Чердак старого дома. Вопиющая бедность. Барон Филеро фон Фарфалия пишет и проговаривает текст про себя.

Филеро. Она привела меня в свой дом. Я выпил чашку зеленого чая, взял в руку живого бенгальского тигра, в другую руку — зажигалку и стал медленно-медленно жечь тигру усы. Тигр зарычал и начал рвать мои внутренности зубами. С новогодней елки осыпались игрушки. Тельце акробата заиграло, как блесна. Она была безумно нежной, я медленно умирал в ее объятиях, я чувствовал, как сквозь меня идет мощный поток чего-то большего, чем сама жизнь.

Звонок в дверь.

Филеро. Сафабель, Сафабель, откройте!

Сафабель. Нам звонят, барон?

Филеро. Долго и настойчиво! Будьте так любезны!

Сафабель. А вы уверены, барон, что звонят именно нам?

Филеро. У меня в этом нет совершенно никаких сомнений!

Сафабель. Когда же у нас появится свой собственный камердинер?

Филеро. Едва сказочно разбогатеет, первого человека, которого найдем себе, будет именно камердинер! Я это вам клятвенно обещаю, баронесса.

Сафабель открывает. Входит Кулакова Надежда Юрьевна.

Сафабель. Это вы?

Надежда Юрьевна. Здравствуйте.

Сафабель. Что-нибудь случилось?

Надежда Юрьевна. Вот именно. Случилось. Только вы ушли, некоторое время папенька ваш пребывал в истерике, сто раз перечитывал ваши гениальные три странички, забредил ими до полуночи. К мозгам прилипли ваши треклятые деревья, процеживающие снежный напиток. Потом пал на паркет! Апоплексический удар. Вчера привезли из больницы, три недели провалялся, а толку-то немного. Недвижим, как памятник. Всю жизнь мечтал забронзоветь. И нате, вот оно! Готово! До пояса — изваяние, бронзовый. Выше пояса — *шевелится чуток*. Просит бумагу. Писать. Но я не даю. Доктора против. Рано еще гениальничать.

В комнату вбегают три юные очаровательные девушки.

Сафабель. Познакомьтесь, пожалуйста. Это наши девочки.

Надежда Юрьевна. Очень приятно. Какие милые деточки!

Сафабель. Моя старшая дочь. Сцифероцида фон Фарфалия.

Надежда Юрьевна. Кулакова Надежда Юрьевна. Пенсионерка.

Сцифероцида (*реверанс*). Очень приятно.

Филеро. Моя срединная дочь баронесса Астарта Ферлопес Франческо Филеро. Моя, так сказать, центральная дочь.

Надежда Юрьевна. Кулакова Надежда Юрьевна. Пенсионерка. Рада, счастлива знакомству.

Астарта. И я тоже премного счастлива.

Филеро. Это моя самая младшая дочь, баронесса Манифея Фениция Венченция де Фонтенфайер фон Фарфалия Эпедокла.

Надежда Юрьевна. Эпедокла?

Манифея. Эпедокла!

Надежда Юрьевна. Очень приятно, Кулакова Надежда Юрьевна. Пенсионерка. Домработница вашего родного дедушки.

Сцифероцида. Которого мы в глаза не видели.

Астарта. Отродясь.

Манифея. Интересно, какой он, наш милый дедушка?

Надежда Юрьевна. Я полагаю, девочки, что уже очень скоро вы своего единокровного дедушку увидите!

Филеро. Сцифероцида, принеси чаю Надежде Юрьевне.

Сцифероцида. С превеликим наслаждением, папенька!

Сафабель. На чем чаю? Надежда Юрьевна? На мяте или на ягоде?

Надежда Юрьевна. На мяте. Вся дрожу, колотит меня. Федор Апполинариевич ужасно сердит оттого, что свалился. Утром запустил в меня раскаленным стаканом с кипятком. Я домработница, не патронажная сестра. Я уезжаю к тетке в Балаклаву. Размышляйте, как быть, ищите выход. Забирайте себе родственничка.

Сафабель. Выхода нет. Надо перевозить.

Филеро. Куда?

Сафабель. К нам!

Филеро. Куда ж еще.

Сафабель. Может, в папенькины восемь комнат перебраться?

Филеро. Ни за что.

Сафабель. Почему?

Филеро. Станет думать, что мы воспользовались ударом, чтобы улучшить.

Надежда Юрьевна. А сколько-то у вас комнат на пятерых?

Сафабель. Одна, всего одна.

Сцифероцида. И еще кухонька есть, три метра.

Астарта. Санузел.

Сафабель. И маленький балкончик.

Надежда Юрьевна. Небогато.

Манифея. А что поделаешь?

Филеро. Надежда Юрьевна, не могли бы вы оказать нам одну услугу?

Надежда Юрьевна. Какого рода услугу вам оказать?

Филеро. Не могли бы вы перед сном налить в чай вечерний, который па-
пенька так обожает, содержимое этого флакона?

Надежда Юрьевна. Яд?

Сафабель. Гомеопатическое снотворное. Пионовая настойка. Мы забираем
Федора Апполинариевича к себе.

Надежда Юрьевна. Отчего же не налить, я налью! Я вся к вашим услугам,
барон! Когда перевозка?

Сафабель. Когда у вас поезд на Балаклаву?

Надежда Юрьевна. Завтра утром.

Филеро. Сегодня ночью перевезем.

Надежда Юрьевна. Ваш папа богат как Крез, а вы живете в такой стеснен-
ности, в такой бедности! Есть ли справедливость на свете?

Сафабель. Всего вам доброго, Надежда Юрьевна.

Сцена восьмая

Перевозка № 2

*Входит все семейство Филеро фон Фарфалия, исключая самого Филеро
фон Фарфалия. Одни дамы.*

Сафабель. Заснул?

Надежда Юрьевна. Спит. Проходите. Только каблуками по паркету не тарбаньте.

Манифея. Мы на цыпочках.

Надежда Юрьевна. Где же ваш папенька, девочки?

Сцифероцида. Роман пишет.

Астарта. Ему отвлекаться нельзя.

Надежда Юрьевна. Дед ваш дюже тяжелый!

Манифея. Справимся.

Надежда Юрьевна. Донесете-то до грузовика?

Сафабель. Донесем, донесем, Надежда Юрьевна, не переживайте.

Сцифероцида. Спит?

Надежда Юрьевна. Провалился.

Астарта. Боже мой, дедулечка!

Манифея. Какая лапочка!

Астарта. Жалко, что характер у него такой мерзкий!

Манифея. Я все равно его обожать буду!

Сцифероцида. И я буду обожать.

Астарта. Мама, ты не запретишь нам его любить и обожать?

Сафабель. Да что вы, деточки, как можно, как нам его не любить, он всем нам дал жизнь.

Сцифероцида. Могучий старик.

Манифея. Бедненький, живет без нашей любви, без нашей ласки.

Сцифероцида. Поэтому и свалился!

Сафабель. Тише вы, воробьи апрельские, разбудите деда. А разбудите — мало не покажется. Характер у него штормовой!

Федор Апполинариевич (во сне). Будут ли актуальны штаны дудочкой в следующем сезоне?! Штаны могут быть модными? А писатель, должен ли писатель быть модным? И желать себе оного?! То есть моды на самого себя? Или это пошлость?

Астарта. Страшно как, мама!

Сцифероцида. У меня в животе от ужаса кусок льда намерз!

Сафабель. Во сне разговаривает. Не обращайтесь внимания.

Манифея. Я чуть в обморок не хлопнулась, мама.

Сафабель. Довольно вам болтать. Приступаем. Подошли. Все вместе. Еще ближе. Взяли. Дружно! Подняли! Понесли, понесли, понесли! Шармант, шармант, шармант! Ровненько, девочки, аккуратненько, ровненько! Шармант, шармант, шармант! Жете, жете, жете. Шармант, шармант, шармант!

Надежда Юрьевна. Здесь по коридору направо!

Манифея. Гран мерси.

Сафабель. Шармант, шармант, шармант! Деми-плие! Па-де-Буре! Деми-плие! Проходим, проходим, проходим! Плие, плие. Пуи, пуи, пуи!

Надежда Юрьевна. Прошли!

Сафабель. Так, так, так! Дышим, дышим, дышим!

Надежда Юрьевна. А теперь прямо, к двери.

Сафабель. Шармант, шармант! Де-фо! Де-фо! Шармант, шармант, шармант! Браво, брависсимо!

Манифея. Флер вашу брошь! Куда вы прете? Вы меня подавите.

Надежда Юрьевна. Такие маленькие крохотулечки, деточки тянут на своих жилочках такую огромную, тяжеленную железную кровать, да еще с таким стопудовым дедушкой!

Сцифероцида. Уйдите, бабушка, с дороги!

Астарта. Подавим, как таракана!

Сафабель. Фани, фани, де-плие! Тандю! Шармант, шармант, шармант!

Юные баронессы под предводительством Сафабель Застурции фон Фарфалия выносят спящего Соломатина из его огромной и пустой квартиры на улицу.

Сцена девятая

Квартира барона Филеро фон Фарфалия.

Федор Апполинариевич. Где я нахожусь?

Сафабель. Морская, дом шестнадцать, седьмой этаж, один пролет вверх пешком, квартира номер сорок семь.

Федор Апполинариевич. Вы меня что, опять перевезли? Как вещь? Как чемодан?

Сафабель. У нас, к сожалению, не было иного выхода.

Ты свалился, папа!

Федор Апполинариевич. У меня имеется свой дом и личная прислуга, везите обратно!

Сафабель. Надежда Юрьевна уехала, папа. В Балаклаву. Она официально заявила, что патронажной сестрой не нанималась.

Федор Апполинариевич (*смотрит в окно*): Дом напротив универсального магазина? С якорями и беременными русалками?

Сафабель. Да, он самый. Давай я тебя умою. Сегодня торжественный ужин.

Федор Апполинариевич. Почему торжественный?

Сафабель. Мы будем тебя знакомить с внучками.

Федор Апполинариевич. Дай телефон, я вызову такси. Я еду домой, я не хочу ни с кем знакомиться, я не стану дышать с предателями одним и тем же воздухом!!!

Сафабель. Поздно, деточки идут, я слышу их шаги.

Входят юные баронессы и Филеро.

Сафабель. Девочки, это ваш дедушка. Федор Апполинариевич Соломатин. Писатель номер один во всем Петербурге!

Филеро. А может даже во вся Руси!

Сцифероцида. Как это мило! Наш дедушка!

Астарта. Проснулся!

Манифея. Наконец-то.

Сафабель. Итак. Папа, прошу любить и жаловать. Моя старшая дочь. Сцифероцида фон Фарфалия.

Федор Апполинариевич. Соломатин. Писатель. Беллетрист.

Сцифероцида. Можно вас обнять, дедушка, поцеловать?

Федор Апполинариевич. Не подходите, я простужен.

Сафабель. Моя серединная дочь. Баронесса Астарта Ферлопес Франческо Филеро.

Филеро. Так сказать, центральная дочь!

Федор Апполинариевич. Соломатин. Федор Апполинариевич Соломатин. Беллетрист.

Сафабель. Это моя самая младшая дочь, баронесса.

Манифея (*делает реверанс*). Манифея Фениция Венченция де Фонтенфайер фон Фарфалия Эпедокла.

Федор Апполинариевич. Эпедокла?

Сафабель. Эпедокла!

Федор Апполинариевич. Соломатин. Писатель. Беллетрист.

Манифея. Вы не находите, дедушка, что мы с вами очень похожи?

Федор Апполинариевич. Нет, я не нахожу.

Манифея. Но, дедушка, это было бы так мило, если бы обнаружили.

Федор Апполинариевич. Запрещаю звать меня дедом. Я для вас посторонний человек, зовите меня официально... а именно Федором Апполинариевичем.

Сафабель. Ну что ж, давайте садиться за стол.

Филеро. Стемнело, пора зажечь свечи.

Манифея приносит канделябр, Филеро и Сафабель двигают Соломатина к столу.

Федор Апполинариевич. Овсянка! Какая мерзость.

Астарта. Английская королева ест на завтрак овсянку.

Сцифероцида. И живет уже сто лет.

Астарта. И не осыпается.

Манифея. И не вянет.

Федор Апполинариевич. А хлеба нет?

Филеро. На хлеб не хватило. Только на кашу.

Сафабель. Нам бы продержаться... до следующей пятницы.

Федор Апполинариевич. А что будет в следующую пятницу?

Филеро. Во вторник я отношу роман к издателю. К Михаилу Ивановичу Рындиному, вам знакомо это имя?

Федор Апполинариевич. Понятия не имею. Наверное, самозванец.

Филеро. Лукавите, Федор Апполинариевич. Рындин — знаменитый издатель. Так вот, он к следующей пятнице обещал прочитать. Я надеюсь, в этом месяце подписать контракт.

Сафабель. Роман выходит совершенно невероятный. Так что уже очень скоро мы рассчитываем разбогатеть.

Сцифероцида. Папусик, ну, право слово, заканчивай уж поскорее свой гениальный роман!

Манифея. Не надо торопить папу. Финал романа — это самое важное в романе.

Астарта. В каком-то смысле весь роман и пишется только ради финала.

Федор Апполинариевич. Это браво, тонко подмечено.

Сцифероцида. Я понимаю, что ради финала, однако мне семнадцать, а я никогда в своей жизни не видела моря, и мне уже не терпится посмотреть.

Сафабель. Девочки, вы вовсе ничего не кушаете.

Астарта (*отодвигает тарелку*). Совсем нет аппетита, мама. Наломалась так, что спина отваливается.

Манифея. Гарнитур был тяжеленный, как собака. Я думала, что жилы разорвутся.

Сцифероцида. И еще этот глупый холодильник.

Астарта. Мы тащим, а из него течет.

Манифея. Прямо на спину.

Федор Апполинариевич. В каком смысле вы тащите холодильник, а из него течет прямо на спину? Куда вы его тащите?

Манифея. В самом прямом, перевозим холодильник, тащим его на пятый этаж, потому что в доме нет лифта.

Федор Апполинариевич. Вы хотите сказать, что ваши дети занимаются перевозкой мебели?

Сафабель. Увы, папа. Так оно и есть.

Филеро. Да. Я не могу отвлечься на перевозку, мне надо выдавать в день по пяти страниц гениальнейшего текста.

Сафабель. Я помогаю Филеро, правлю и перепечатаваю из черновика, это занимает все мое время.

Филеро. А на грузчиков нам средств не хватает. Если б не наши девочки, мы бы давно умерли с голоду.

Сцифероцида. Папа, у нас не найдется водочки? Грамм пятьдесят.

Астарта. Я махнула бы не глядя грамм четыреста и упала бы до утра.

Манифея. Сорокоградусной! Самой жгучей!

Филеро. Может быть, сегодня не стоит? Денечек бы пропустили.

Сафабель. Невозможно же каждый день не просыхая, в стельку!

Манифея. Мама, мы не в стельку.

Сцифероцида. В стельку, сапожницы.

Астарта. Мы грузчицы! Мы в доску!

Сцифероцида. Мы мебель носим.

Федор Апполинариевич. Юные баронессы употребляют водку?

Сцифероцида. А как же здесь не запить, Федор Апполинариевич!

Астарта. Когда за целый день так наломаешься!

Сцифероцида. Что остается только напиться..

Астарта. И упасть плашмя!

Манифея. На соленый паркет!

Федор Апполинариевич. Отчего же он соленый?

Сцифероцида. От слез, Федор Апполинариевич, на соленый от слез паркет.

Сцифероцида. Папа! Пожалей своих девочек! Невозможно, так забыться хочется.

Манифея. Мы так наломались, папусечка! По сто грамм на нос!

Филеро. Какое сердце это выдержит. Знают, на какую педаль надавить!

Сафабель. Початая бутылка в буфете. Возьмите, барон.

Манифея. Ну, наливайте же, барон, что вы медлите.

Барон ставит граненые стаканы, наливает водки.

Астарта. Папа, лей!

Манифея. Лей, не жалея!

Сцифероцида. И мне до самого края, полный.

Сцифероцида. Скорее бы в небытие!

Манифея. Завтра день тяжелый.

Астарта. Есть наряд на перевозку рояля!

Сцифероцида. Малая Охта. Седьмой этаж. Дом с лифтом, но дека не войдет.

Доплатят за каждый этаж по сто двадцати рублей.

Филеро. Рояль?.. Замечательно!

Сафабель. Значит, у нас будет на что купить хлеб, вино и что-нибудь из одежды или обуви.

Сцифероцида. Мне новые ботиночки.

Астарта. Мне новые ботиночки.

Манифея. Мне нужнее, у меня отвалились каблуки, а второй пары у меня нет.

Филеро. Довольно ссориться по пустякам. Ботинки не главное в жизни.

Сцифероцида. А что тогда главное?

Сафабель. Духовность. Литература.

Сцифероцида. Ах, мамочка, прости.

Астарта. Мы позабыли.

Манифея(разливает по бокалам). Баронесса, может быть, все-таки жахнете с нами?

Сафабель. Я хочу выпить за нашу семью, за то, что все мы здесь сегодня. Я волнуюсь, к-хм, к-хм, извините. В полном, так сказать, составе собрались. Исключая мою беглую мать. Да, папа, я все знаю. Давайте не забывать, что все мы одна семья. За нас!

Федор Апполинариевич. Я к вашей семье никакого отношения не имею и иметь не хочу. Это алаверды. *(Нагло переворачивает стакан кверху дном.)*

Филеро. А мы вас, Федор Апполинариевич, очень любим.

Манифея. А я еще уважаю. Особенно как писателя.

Сафабель. Действие в ваших книжках не стоит на месте.

Сцифероцида. Особенно удаются девичьи образы и портреты подлецов!

Манифея. Вы номер один в Петербурге! Пройдут столетия, а окажется, что во всем мире!

Федор Апполинариевич. Мелкий подхалимаж.

Сцифероцида. Папа, еще хочу, налей еще граммулечку!

Астарта. Самую малость, папа!

Манифея. Чутьочку-пречутьочку!

Филеро. Все, милые баронессы, довольно с вас, наливаю последние сто грамм и прячу бутылку.

Разливает водку по стаканам.

Манифея. Мама, прости, работа очень тяжелая. *(Опрокидывает стаканчик.)*

Астарта. Папа, это все временно. *(Опрокидывает стаканчик.)*

Сцифероцида. Разбогатеешь, папа, и мы больше не станем... злоупотреблять. *(Опрокидывает стаканчик.)*

Астарта. Не могу сидеть, падаю.

Сцифероцида. Глаза уж ничего не видят.

Манифея. Ма, можно, я на полу полежу!

Сафабель. У вас у каждой есть своя кровать.

Манифея. В кроватке душно.

Сцифероцида. На паркете прохладно и свежо.

Астарта. Полезно к тому ж. На жесткой, на доске.

Манифея. Мама, косточки так любят, они отдыхают.

Юные баронессы поочередно сползают на пол. Моментально засыпают.

Сафабель. Заснули мои деточки.

Федор Апполинариевич. Я сыт по горло картинами из жизни петербургской бедноты! Увезите, пожалуйста, меня в дальний угол, спрячьте от фарфалиевых ужасов! Только, подальше от окна, чтобы не сквозило.

Родители отвозят дедушку в угол.

Федор Апполинариевич. Не найдется почитать какой-нибудь книжулечки?

Филеро. Золя. Руггон и Маккары.

Федор Апполинариевич. Сгодится.

LUNA-SOMNAMBULA-ADAGIO

Сцифероцида (*во сне*). Ну и шкафина!

Астарта (*во сне*). Литой, из чугуна. Три-четыре! Взяли! Потасили, потасили! Манифея, оторви его от паркета, черт побери! Мы поцарапаем лак!

Сцифероцида (*во сне*). Шармант, шармант, шармант!

Манифея (*во сне*). Проходим в дверь, аккуратнее... тандю, тандю, тандю... проходим.

Сцифероцида (*во сне*). Ровненько, девочки, аккуратненько, ровненько несем!

Астарта (*во сне*). Деми-плие! Деми-плие! Проходим, проходим, проходим!

Манифея (*во сне*). Жете, жете, жете!

Сцифероцида (*во сне*). Пуи, пуи, пуи!

Астарта (*во сне*). Бо-вуа, бо-вуа! Бо-вуа, бо-вуа!

Федор Апполинариевич. Разговоры во сне, легкий лунатизм, это наше наследственное! Прабабка наша Фатима, по крыше в одной ночнушке бегала. Зимой. Арии распевала. Вагнера Парцифаль все больше.

Сцифероцида (*во сне*). Шармант, шармант, шармант.
Манифея (*во сне*). Сил нет, больше не могу! Остановитесь, я больше не могу!
Сцифероцида (*во сне*). Еще четыре пролета!
Астарта (*во сне*). Девочки, у меня руки оторвались!
Сцифероцида (*во сне*). По локти?
Манифея (*во сне*). По самые плечи! Вдвоем мы не донесем.
Сцифероцида (*во сне*). Суровые нитки с цыганской иглой взяли?
Манифея (*во сне*). Забыли!
Астарта (*во сне*). Несчастный Андре, завтра бал, как он станет целовать мне руки!
Сцифероцида (*во сне*). У нас нет иного выхода, Астарта, ты должна вцепиться в шкаф зубами и донести до грузовика.
Астарта (*во сне*). А руки возьмем с собой?
Манифея (*во сне*). Я заверну их в газету. Мама пришьет дома!
Сцифероцида (*во сне*). Взяли, подняли, понесли! Шармант, шармант, шармант. Заноси направо, выше, еще выше, проходим, проходим!
Сафабель. Не обращай внимания, папа, читай, скоро это закончится.
Манифея (*во сне*). Есть! Прошли! Ура!
Астарта (*во сне*). Есть, готово, донесли!!!
Сцифероцида (*во сне*). Viva император!
Манифея (*во сне*). Viva император!
Астарта (*во сне*). Viva император!

+++

Федор Апполинариевич. Ну слава Богу, угомонились. Страшно то как! Невыносимо!
Манифея. О, Петербург, как много в твоей роскоши больного, напускного тщеславия! Ты сводишь с ума своими роскошествами... дворцами и парками, позолоченными куполами, львами и решетками. Город-нарцисс, склонившийся над невскою водою. Очнись, оторви взор от своего отражения, устрями взгляд в небо! Там в небесах плывут легкие облака, они как ласковые ягнята простодушны, нежны, кротки и самодостаточны! Петечка, будь ну хоть немножко скромнее.
Федор Апполинариевич. А девочка не без талантов! Бредит восхитительно!
Сафабель. Она называет Петербург Петечкой.
Федор Апполинариевич. Это обаятельно, это трогает.
Манифея. Ножки болят, и ручки. Мама! Мама!

Сцена десятая

Полдень следующего дня.

*Филеро собирается в издательство. Сафабель помогает.
Соломатин читает Золя, наблюдает.*

Филеро. Ну что, звонить?

Сафабель. Звони!

Филеро. Кхм. (*Набирает, волнуется.*) Алле! Издательство? Приемная главного редактора? Здравствуйте, Зоя, это говорит Филеро фон Фарфалия. Я хотел бы переговорить с Рындиным, да, Михаилом Ивановичем. Благодарю. Жду. Михаил Иванович? Здравствуйте, да, Филеро, мы договаривались созвониться за час, на всякий случай. Да, да, верно, хорошо, мне удобно, да, Михаил Иванович, с удовольствием, с радостью, к половине третьего? Ну конечно, успею, благодарю вас, благодарю вас. Рындин ждет меня в половине третьего.

Сафабель. Мы не успеем тебя собрать, уже четверть второго.

Филеро. Пешедралом по Невскому. Семнадцать с половиной минут.

Сафабель. Я приготовила тебе штрудель.

Филеро. Нет аппетита, дрожу.

Сафабель. Тебе нужны калории. Редактор станет смотреть тебе прямо в глаза.

Филеро. Очень волнительно, пища во мне не сварится.

Федор Апполинариевич. В издательство собираетесь?

Роман отнести?

Филеро. Да собираемся, Федор Апполинариевич.

Федор Апполинариевич. Волнующая минута. Приятно будет идти по улице, смотреть на прохожих! Они не знают, кто мимо них шествует! Такое раз в жизни бывает. С первым романом в портфеле идти по Невскому и щуриться на солнце! Незабываемые минуты! Портфель-то у вас имеется?

Филеро. Разумеется.

Федор Апполинариевич. Именно с портфелем, с портфелем надоте-с идти по Невскому и держать его за ручку, ощущая тяжесть четырехсот страниц! Прохожие навстречу такие все замороченные, земные, с мятыми лицами, и не догадываются даже, что мимо них новый Гоголь шествует навстречу своему бессмертию!

Сафабель. Папа, ты плачешь?

Федор Апполинариевич. «Айсберг» гениальнейший роман. Новое слово в мировой литературе. Сенсация! Миллиардные тиражи в Европе и Америке, дорога на олимп, в империи, туда где на самой вершине человеческой цивилизации восседают Микеланджело и Гоголь! Феллини и Хемингуэй! Бетховен и Пушкин!

Входят Сцифероцида, Астарта. Они несут на руках Манифею.

Сафабель. Что случилось, девочки?

Сцифероцида. Папа! У нас горе!

Астарта. Мы Манифеечку подавили.

Сцифероцида. Роялем!

Сафабель. Девочка моя, моя маленькая, боже, какая бледная!

Филеро. До смерти, что ли?

Сцифероцида. На три четверти до смерти раздавили!

Сцифероцида. Левая ножка...

Астарта. Два раза хрустнула, папа.

Сцифероцида. Мы только что из травматического пункта.

Астарта. Вот принесли малышку.

Филеро. Где, где она, я хочу увидеть ее.

Сцифероцида. Где ж еще, папенька, вот она, перед вами.

Сафабель. Спит.

Астарта. После хлороформа.

Сафабель. Кладите ее на кровать. Бедная моя деточка.

Филеро. Где же она? Где Манифея? На улице? В карете скорой помощи?

Сцифероцида. Вот она, папа, лежит перед тобой.

Филеро. Я не вижу ее!

Астарта. Как же не видишь — вот она, папа, она вся перед тобою распла-
станная!

Филеро. Вы что, разыгрываете меня? Здесь пусто!

Сцифероцида. Ну вот же!

Филеро. Это?

Сафабель. Да, Филеро, это она! Манифея!

Филеро. Это же пожарник.

Сафабель. Дорогой мой! Какой же это пожарник? Это наша Манифея.

Филеро. Какая Манифея? Манифея из Лондона или Манифея из Стамбула?

Сафабель. Наша Манифея! Манифея Фениция Венченция де Фонтенфайер
фон Фарфалия Эпедокла! С нашей квартирки!

Филеро. Эпедокла?

Сафабель. Эпедокла!

Филеро. Я не вижу никакой Эпедоклы. Это же офицер с усами, а не девоч-
ка! А вот и лампасы на штанах!

Сафабель. Его разум отказывается понимать, что это его родная дочь!

Астарта. От горя сошел с ума!

Филеро. Это же не девочка, это наездник! Такими распластанными девоч-
ки не бывают! Это кавалерист Давыденко. А вот и шпоры на сапогах.
Наверное, с лошади упал!

Астарта. Мама, уведите папу, он обезумел, у меня сердце кровью облива-
ется!

Филеро. Это не моя дочь. Моя дочка не такая, она тонюсенькая, а это боксер, мастер спорта Куропатов, у него нокаут. Он лежит и не двигается. Вспрысните на него водой. Где рефери? Ушел за свежим карпом, куда? В гастроном?! Давайте я за рефери посчитаю. Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один!

Сцифероцида. Жалко папу, смотреть невозможно.

Сафабель. Как же так получилось?

Сцифероцида. Мы поднимали рояль на седьмой этаж.

Астарта. Манифеечка оступилась.

Федор Апполинариевич. Вот, во что ты превратила свою жизнь! Я предупреждал! Вот так и живи свою несчастную жизнь, в кимвальной пустоте ее проживай!

Сафабель. Давайте, папа, не будем. Не та минута! Надо ее переодеть. Все платье в крови! У нас есть другое платье?!

Сцифероцида. Да откуда же, мама?!

Сафабель. Будь проклята наша отчаянная бедность!

Астарта. Ничего, мама, есть наряд на завтра.

Сцифероцида. На мороженую треску. Двести ящичков в порту.

Астарта. Справим Манифее платье!

Манифея (*приходит в себя*). Не надо мне нового платья, пятнышки уже подсохли. Папе купите белую рубашку с парадным стоячим воротничком. Ему в издательство ехать. И ботиночки купите ему новые! Чтобы главному редактору понравилось. И еще, папа, когда пойдешь к Рындиному, не брейся! Гениальные писатели должны быть небритые, колючие.

Сафабель. Проснулась!

Филеро. Манифея, деточка! Как скажешь, я пойду небритый.

Астарта. Он узнал ее!

Сцифероцида. Очнулся!

Федор Апполинариевич. Слава тебе господи!

Сафабель. Уже без четверти четырнадцать. Собирайся, выходи. Опоздаешь!

Филеро. А как же Манифеечка?! Я не могу оставить ее.

Манифея. Ты иди, а я здесь пока полежу. Отдохну немножко. Дайте мне таблетку. Чтобы не было больно. (*Закрывает глаза.*)

Астарта. Она опять провалилась.

Сцифероцида. Пусть подремлет.

Сафабель. Собирайся, к Рындиному опаздывать нельзя!

Филеро. Верно, мне пора. Где мой роман?

Сафабель. Где ж ему быть? В верхнем ящичке письменного стола.

Филеро. Я волнуюсь. Где ключ?

Сафабель. У тебя в кармане.

Филеро. Ну да, ну конечно, у меня в кармане. Ключ у меня в кармане.
(Смотрит на часы.) Без пяти четырнадцать! Десять лет я писал книгу.
Священная минута.

Филеро отпирает замок, выдвигает ящик.

Филеро. Моего романа здесь нет.

Сафабель. Как это — нет?

Филеро. А вот так. Я не вижу моего романа.

Сафабель. Я посмотрю.

Сцифероцида. И я.

Астарта. Ящик пустой.

Сафабель. Посмотри в портфеле.

Филеро. Но здесь был второй экземпляр, под копирку.

Пропал.

Сафабель. Может, заблаговременно положил в портфель?

Филеро. В портфеле романа нет.

Сцифероцида. В шкафу!

Сафабель. И в шкафу нет!!!

Филеро. Сверяла перед сном и оставила под подушкой?

Астарта. Под подушкой чисто.

Филеро. А где же он, где мой «Айсберг»?

Федор Апполинариевич. Вашего романа в природе более не существует!

Искать рукопись не имеет никакого смысла. Я сжег ваш роман!

Сафабель. Что?

Федор Апполинариевич. Сжег все до последней промокашки! Сам роман и черновики к нему. Растопил, расплавил я ваш «Апельсиновый айсберг»! В жестяном помойном ведре!!!

Филеро. Как это — сожгли, Федор Апполинариевич?

Федор Апполинариевич. А вот так это! Сжег, и амба! Сегодня ночью. Ночью, пока вы спали, перочинным ножом я вскрыл днище письменного стола, достал рукопись и спалил ее! Гениальный был роман!!! Горел превосходно!

Астарта. Какое злодейство!

Сафабель. Я не верю, папа, ты же в душе хороший!

Сцифероцида. Дедушка!

Федор Апполинариевич. Ах, как пылали союзы, предлоги, как корчились в огне глаголы. Прежде чем сжечь сердца людей, они сами первые живо сгорели! Там, на лестничной клетке ведро. Полюбопытствуйте!

Филеро. Вы мерзавец, Федор, это же чистейшей воды злодеяние!

Сцифероцида. Это преступление!

Сафабель. Против своих детей и внуков.

Астарта. Против мировой литературы.

Федор Апполинариевич. Мелко берете, господа. Это преступление против истины, красоты и гармонии мира! «Айсберг» был великолепен! И еще доложу вам, мои дорогие Фарфалии, Сцифероциды, Астарты и Сафабели, что я здоров как конь! Не было у меня никакого апоплексического удара! Я его сочинил! Провели мы вас с Надеждой Юрьевной за нос! Последнюю перевозку свою я вам сам заказал! Не было в моем чае пиона обыкновенного! Я все слышал, как дамы вошли, как тяжело дышали, спуская меня по лестнице к грузовику! Здоров я! А не верите, я вам сейчас чечетку сбациаю!

Бацает.

Сафабель. Как все это низко, как подло!

Федор Апполинариевич. И остаюсь, несмотря на все ваши старания, писателем номер один в Петербурге!

Сцифероцида. Вы гадкая ледяная медуза, Федор Апполинариевич!

Астарта. Какие писатели бывают противные!

Филеро. Что же, по-вашему, нам всю жизнь проживать в беспросветной нужде?

Федор Апполинариевич. Разумеется! В нищете и безвестности! До конца дней своих! В руинах от разрушенных надежд! Что ж, по-вашему, от меня в далекой вечности должно было остаться пустое место? Увы! Такого не будет! Огромный кусок звездного неба принадлежит лично мне! Бессмысленные вы люди! Мое высокое имя малиновым звоном будет звенеть в веках! И еще вот что я вам скажу! Никакие вы не Фарфалии, вы все до одного Косолаперы!

Соломатин уходит.

Сафабель. Он нас уничтожил.

Филеро. Размазал!

Астарта. До конца своей жизни будем грузить соль и цемент.

Сафабель. Станки и мебель!

Филеро. Запасные части для машин.

Сцифероцида. Буфеты.

Астарта. Кирпич и краску!

Сафабель. Рулоны с типографской бумагой!

Астарта. Уголь.

Сцифероцида. Дрова.

Филеро. Мешки с солью!

Манифея (*просыпается, поет*).

*Красивый ветер на ветках уснул. И желтый лист, и
красный лист
Дрожали от холода, словно щенки, В объятьях коварной
тоски.*

Астарта. Манифеечка проснулась.

Манифея (*маме*). Мама, отчего вы рыдаете?

Филеро. Лучше бы ты не просыпалась, милая Манифея.

Сафабель. Федор Апполинариевич сжег папин роман.

Мы все обречены.

Манифея. Сжег «Апельсиновый айсберг»?

Филеро. Спалил, дотла!

Сафабель. И черновики, и рукописи, и то, что было набело. Ни буквочки, ни одной запятой в живых не оставил.

Манифея. Подумаешь, мама, что сжег... ничего страшного. Поправимое дело!

Филеро. Как это понимать, красавица ты наша, что — ничего страшного?

Манифея. Только ты меня не ругай, папенька, дай слово, что ругать меня не станешь, тогда я объясню, отчего ничего страшного!

Филеро. За что ж мне ругать тебя, деточка! Я ни за что не стану тебя бранить!

Манифея. Вот вам моя история. Две недели тому назад папенька запер роман в верхний ящик своего письменного стола, а ключ по рассеянности, по гениальности своей, на подоконнике оставил. Достала я роман из верхнего ящичка папиного письменного стола и втянулась, увлеклась чтением. Как вдруг зашел ко мне товарищ мой из шестого «Б» класса Боря Красновертов. А я, дуреха, решила показать ему произведение. Так понравился папин роман Боре! Дай, говорит, Манифеечка, мне еще прочесть!!! А я ему говорю: не могу, у нас дома всего один чистовой экземпляр, и роман папа уж десять лет пишет, из дома выносить не велел. А Боря говорит: «У меня дядя, Фил Матвеевич Мухин, на копировальном аппарате работает, на Малой Охте. Поехали мы к его дяде Филу Матвеевичу, в двух экземплярах скопировали бессмертное произведение, мне и Боре! Так что простите, милый папенька, свою непослушную и озорную дочку баронессу Манифею Феницию Венченцию де Фонтенфайер фон Фарфаля Эпедоклу.

Сафабель. А где же твоя копия, деточка?

Манифея. В моем портфеле школьном, в клеенчатом отделении лежит.

Сафабель бросается к Манифеевому портфелю.

Сафабель. Вот она, копия!

Сафабель. Рысью, барон, к редактору!

Астарта. Аллюром в три креста, папа! (*Ударение на завершающий слог.*)

Филеро выбегает с романом на улицу.

Сцена одиннадцатая.

Многокомнатная квартира писателя Соломатина. Надежда Юрьевна моет окно. Федор Апполинариевич мыслит новый роман.

Надежда Юрьевна. Лучше, чем газетой, стекло оконное ничем не моется. Я вас газетным скрипом, Федя, не сильно от работы отвлекаю?

Федор Апполинариевич. С точностью до наоборот! Люблю я газетный скрип. Послушайте, Наденька, какой монолог я спроецировал из головы на бумагу!

Надежда Юрьевна. Не обращайтесь внимания, что тружусь в поте лица своего. Я слушаю очень внимательно.

Федор Апполинариевич. Я припоминаю весною все свои влюбленности, но не душой, а скорее телом, то есть соматически. Все, что происходит с нами в жизни, как бы откладывается в туловище... в костях и лимфах! Именно таким макаром весна вторгается в каждую клеточку нашего организма! Она всего тебя берет в оборот! От макушки до пяток! От мизинца левой ноги до большого пальца правой руки. Ты весь звенишь! Как будто стоишь в центре космической стиральной машины! Весна тебя скребет и чистит! Хочется орать от счастья и бежать в небо по кипящим струям бытия!

Надежда Юрьевна. Гениально!

Федор Апполинариевич. Кон-конгениально! Наденька, именно... кон-конгениально!

Надежда Юрьевна. Вот отмою ваши окошки, они станут прозрачные, красивые, станут поглощать огромными порциями солнечный свет! И вы напишете новую повесть!

Федор Апполинариевич. Только смотрите... не простудитесь, Наденька, это первое весеннее тепло, оно коварное. Сидишь на лавочке, бывает, в скверике, подставляешь себя теплему ветерку. А оно не теплый ветерок, а наоборот, ледяная кислота, ядовитая отравка!

Надежда Юрьевна. Не переживайте, Федор Апполинариевич. Под меня кофточка пододела!

Федор Апполинариевич. А вы не стесняйтесь, смелее! Я газетный скрип ужас как люблю. Только одно замечу... полчаса тому назад газета ваша как-то иначе скрипела.

Надежда Юрьевна. Это была другая газета. То была «Невские новости», а сейчас в моих руках «Ладожская правда».

Федор Апполинариевич. «Новости» скрипели как-то весело, легкомысленно, я бы сказал, черешнево.

Надежда Юрьевна. А «Правда» как скрипит, позвольте заинтересоваться?

Федор Апполинариевич. Эта как-то надрывно, как будто египетская плакальщица над гробом Аменхотепа, как будто мне что-то очень важное и трагическое рассказать желает. Дайте-ка, я загляну в газету.

Надежда Юрьевна. Читайте.

Федор Апполинариевич (*берет скомканную газету*). Что же ты мне хочешь рассказать, милая моя газета? Так-так, так-так! (*Разворачивает газету.*) «Ладожская правда» от 21 марта 2008 года. Смотрим. Клуб любителей скалолазания приглашает на новую отвесную стену. Ага. Вот!!! Новости литературы. «Небывалый успех нового произведения отечественной литературы. В издательстве «Гиперборей» вышел роман писателя Филеро фон Фарфалия «Апельсиновый айсберг». Роман выдвинут на Нобелевскую премию и переводится на 124 языка мира, в том числе на хинди и бенгальский! Пятнадцатый тираж за три месяца! Критик Недотопорчук бежал по Мойке с воплями: «Новый Гоголь явился!!!» Бег редактора превратился в многотысячную процессию. Книги лидеров литературной гонки последних лет Соломатина, Трясунова и Ряхина, привычно занимающие в рейтингах продаж первые места, перестали продаваться и пылятся нетронутыми уже третий месяц. Эти грустные имена можно смело предать забвению и передать на хранение в литературный музей имени Афанасия Кукольника!!! Рядом с «Апельсиновым айсбергом» другие современные романы меркнут, как меркнет Луна на восходе Солнца!»

Надежда Юрьевна. Что с вами, Федор Апполинариевич?

Не качайтесь! Мне страшно!

Федор Апполинариевич. Стер, начисто стер, проклятый Косолапер! На Нобелевку заявили! Ничего не осталось более от моей жизни, ни-че-го! Белое пятно на белой бумаге. Вот что такое теперь моя жизнь! Невыносимо! Сердце останавливается! На меня наваливается гранитное петербургское небо!!!

Федор Апполинариевич сгибается в тоске надвое, скулит, рыдает.

Сцена двенадцатая

Шикарный загородный дом (почти дворец) всемирно известного петербургского писателя барона Филеро фон Фарфалия. Все шикарно: люстры, стены и дорогая мебель. Сцифероцида дает Манифее урок музыки за роялем. На всех Фарфалиях великолепные дворцовые наряды, засыпанные дорогими камнями.

Сцифероцида. Это Шопен. Так его играть нельзя.

Манифея. Расскажи, как именно, я сразу перестроюсь!

Сцифероцида. То шторм, то затишье! На контрастах! Особенно после цифры пять. Вот здесь, на третьей строке.

Манифея. После пять я талантлива опять.

Сцифероцида. Какая же ты хвастунишка, Манифея. Что же ты застыла, вступай!

Манифея. Начинать?

Сцифероцида. Погодите, мы тоже хотим прикоснуться. Мама! Мама! Манифея будет божественно музицировать! Все сюда!

Входят Филеро, Астарта, Сафабель. Рассаживаются.

Манифея. Не смотрите на меня, я волнуюсь. Смотрите в окно. Или на потолок!

Сцифероцида. Не обращай на них внимания, они тебя любят.

Манифея. Шопен такой трудный. Вступать?

Сцифероцида: Вступай, вступай!

Манифея.

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж... Королева играла — в башне замка — Шопена, И внимая Шопену, полюбил ее паж.

Вступает. Играет Шопена. Манифея заканчивает.

Филеро. Доченька, это было великолепно!

Все (*аплодируют*). Браво, браво, браво!!!

Сафабель. Я требую на бис.

В дверь звонят. Входит камердинер.

Камердинер. Надежда Юрьевна Кулакова. Собственной персоной. Просит милостиво принять ее.

Камердинер ударяет палкой о паркет.

Филеро. Велите войти.

Камердинер уходит, чтобы повелеть войти. Входит Надежда Юрьевна.

Филеро. Здравствуйте, Надежда Юрьевна, зачем пожаловали?

Надежда Юрьевна (*грубо заглядывая в шаргалку*). Здравствуйте, барон Филеро фон Фарфалия, здравствуйте,

Сафабель, я приветствую вас, юные баронессы Сцифероцида фон Фарфалия, Астарта Ферлопес Франческо Филеро, Манифея Фениция Венченция де Фонтенфайер фон Фарфалия Эпедокла.

Сцифероцида. Рассказывайте, с какой целью мы вам сегодняшним утром пригрезились?

Надежда Юрьевна. Какой великелепный дом. Шелковые обои! Амбир! Люстра — с ума можно сойти! Она одна всего Лувра стоит. Я давно не созерцала подобной *дворцовой роскоши*. Хотела на прошлой неделе сходить в Эрмитаж, на экскурсию, да все времени нету, а теперь и ненадобно.

Манифея. Короче, тетя!

Манифея. Берите быка за рога, Надежда Юрьевна!

Филеро. Вы захали проститься по дороге в Балаклаву?

Надежда Юрьевна. Нет у меня родственников в Балаклаве! И никогда не было! Я прежде мелко лгала, а нынче стала другим человеком. Жизнь меня поправила своей железной рукой. Я хотела бы заказать перевозку.

Филеро. Что именно вы хотели бы перевезти?

Надежда Юрьевна. Ваш дедушка Федор Апполинариевич желает перевезти свою собственную персону.

Филеро. Но наша транспортная компания не занимается перевозкой бывших в употреблении злых эгоцентричных самодуров...

Сафабель. И тщательно забытых литераторов.

Надежда Юрьевна. А что же вы перевозите?

Сафабель. Птичек, если им надоело сидеть в клетках.

Манифея. Мы перевозим их прямо в небо.

Сцифероцида. Мячи для лаун-тенниса.

Астарта. Первозим их через сетку.

Сафабель. Бутылочное стекло.

Манифея. Шлифованное морем.

Манифея. Первозим в дырявых от счастья карманах.

Филеро. Мы доставляем письма.

Сафабель. Но только те, в которых есть признания в любви.

Астарта. Но хищных животных...

Филеро. И одержимых манией величия писателей...

Манифея. Мы не перевозим.

Надежда Юрьевна. Но Федор захотел, чтобы именно вы его перевезли.

Манифея. В Петербурге полным-полно компаний по перевозке вторсырья.

Филеро. Они с удовольствием возьмутся за любую работу, только бы заплатили.

Надежда Юрьевна. Сжальтесь над стариком. Это его последнее пожелание. Он очень плох, он на предпоследнем издыхании.

Сафабель. А куда же он просит себя перевезти?

Надежда Юрьевна. Понятия не имею, он вам все расскажет, он знает куда.

Манифея(надменно). А что же мы укажем в квитанции, если заказчик не предоставляет сведений о том, куда надобно отвезти?

Филеро. Хорошо. Доставим. Когда нужна перевозка?

Надежда Юрьевна. Завтра. Ночью. Дело срочное. У вашего родственника стремительно падает самочувствие.

Сцифероцида. Вы только вспомните, папа, какой дедушка ужасный человек, и как он захотел всех нас погубить. А главное погубить великий роман созданный для всего Человечества. Мне ужасно, ужасно, ужасно как не хочется видеть его!

Астарта. И мне не хочется!

Манифея. И мне!

Филеро. Перевезем! В самом лучшем виде перевезем, Надежда Юрьевна!

Сцифероцида. Папа, папа!

Астарта. Отчего ты такой великодушный

Манифея. Так не надо!

Филеро. Тише вы, ишь, раскудахтались!

Надежда Юрьевна. Благодарствуйте, барон! Благодарствуйте!

Надежда Юрьевна уходит.

Сцена тринадцатая. Перевозка No 3 (заключительная).

Квартира Соломатина на .

Федор Апполинариевич сидит у окна. Любуется ветром. Входит Надежда Юрьевна.

Федор Апполинариевич. Где они, Наденька?

Надежда Юрьевна. Вошли, идут по коридору.

Федор Апполинариевич. Все?

Надежда Юрьевна. Все до одного. В полном составе.

Входят Фарфалии.

Федор Апполинариевич. ночи, господа!

Филеро. Доброй ночи, Федор Апполинариевич!

Федор Апполинариевич. Оставьте нас наедине, Надежда Юрьевна.

Кулакова сходит на нет.

Федор Апполинариевич. Дамы и господа, леди и джентльмены!!!
баронессы, графини! жизни
перевозке!

Филеро. А куда бы вы хотели, чтобы вас перевезли?

Федор Апполинариевич. Никуда! В Абсолютное Ничто! В Зиро! Я навсегда уйду из этого мира.

Филеро. Но мы никогда не доставляли грузы в Ничто! Это не наша эстетика. Цветы, бархат, кресты, ангелы, туман над гранитными плитами!

Сафабель. Потом... мы не знаем, где находится это Ничто.

Федор Апполинариевич. Не беспокойтесь, я покажу вам дорогу. Это недалеко.

Филеро. Хорошо. Мы сделаем то, о чем вы нас просите.

Федор Апполинариевич. Еще у меня есть одно горячее желание. Именно это желание заставило меня обратиться именно в вашу контору, барон.

Филеро. Я внимательно слушаю вас.

Федор Апполинариевич. Я хотел бы поцеловать руки, которые понесут меня.

Филеро. Натруженные и нежные руки юных баронесс?

Федор Апполинариевич. О да. Это самое горячее мое пожелание. Я хотел бы поцеловать руки Сафабель, Сцифероциды, Астарты и Манифеи!

Сцифероцида. О!!! Неслыханная наглость!

Сафабель. Что за вольности себе позволяет этот простолюдин!

Манифея. Пусть лучше палач отрубит мне мои ручки! Чем я отдам их ему лбызать.

Астарта. позор!

Сцифероцида. Да как он смеет!

Филеро. Мы выполним ваше первое желание, мы вас перевезем в Никуда. То, что касается второго желания, наш вердикт... увы! Это невозможно!

Федор Апполинариевич. Но почему?

Филеро. Руки баронесс могут целовать только представители высочайшего света, только дворяне вселенной. Вы не принадлежите к знати и не являетесь Аристократом Духа! У вас нет титула.

Федор Апполинариевич. В таком случае могу ли я вас просить о даровании мне титула?

Сафабель. Нет, это невозможно.

Федор Апполинариевич. Ну хотя бы какогонибудь завялящего помещика.

Манифея. Увы.

Федор Апполинариевич. Но я столько времени отдал изящной словесности.

Манифея. Ваша словесность была, уввы, не совсем изящна.

Федор Апполинариевич. Вы имеете в виду слог или размер или тему?

Манифея. Нет, я имею в виду нечто совершенно незримое.

Астарта. Тонкое.

Сцифероцида. Невидимое.

Сафабель. Ускользящее.

Филеро. Утоньченное.

Сцифероцида. То, что мы называем поэзисом.

Манифея. В вашей словесности не было священного поэзиса.

Федор Апполинариевич. Что же такое поэзис?

Манифея. Это магический момент перерождения.

Астарта. Выход мотылька из кокона.

Сцифероцида. Вызревание зерна.

Сафабель. Таяние снега.

Манифея. Прикосновение к тайне мироздания.

+++

Филеро. Итак. жизни путешествию?

Федор Апполинариевич. Да.

Филеро. ?

Сафабель. Может быть, комод?

Сцифероцида. Или японскую чашку?

Астарта. стол?

Манифея. Может, чековую книжку?

Астарта. Вид из окна?

Сцифероцида. Громкое имя?

Федор Апполинариевич. У меня нет больше громкого имени. Мои произведения забыты. Мое имя ничего не значит. Оно пустое, полое. как бутылка. Я хочу пуститься в это путешествие налегке. Без банковского счета, любимого шифоньера и письменного стола.

Филеро. Это мудрое решение.

Сафабель. Это красивое решение.

Сцифероцида. Это изысканно.

Астарта. Ну что ж, к делу!

Сафабель. Вы готовы, папа?

Федор Апполинариевич. От волнения немного ослабло дыхание. Да, готов.

Федор Апполинариевич ложится в кровать.

Филеро. Ну что ж, превосходно!

Сафабель. Один час.

Сцифероцида. Восемнадцать минут.

Астарта. От полуночи.

Манифея. дождик.

Филеро. .

Сафабель. На полу лежит брошенная книга.

Сцифероцида. .

Астарта. тумбочке телефон и старые рецепты.

Манифея. По потолку поехал прямоугольник света.

Сафабель. Тяжело и грустно вздохнул ветер, оконное стекло едва прогнулось и заскрипело.

Федор Апполинариевич. Ну, с Богом!

Филеро. Все вместе. Дружно!

Федор Апполинариевич. Манифея, ты здесь?

Манифея. Я рядом, Федя, я здесь!

Федор Апполинариевич. Можно я только один мизинчик поцелую на левой твоей руке, я едва коснусь его губами?

Манифея. Целуй деда. Ладно уж, так уж и быть уж.

Соломатин целует мизинчик на руке внучки.

Филеро. Дружно! Взяли! Подняли! Понесли!

Все. *(Поднимают, несут.)* Шармант, шармант, шармант! Ровненько, девочки, аккуратненько, ровненько несем! Шармант, шармант, шармант!

Сафабель. По коридору направо!

Филеро. Проходим, проходим, проходим! Деми-плие!

Деми-плие! Па-де-буре! Жете, жете, жете!

Сафабель. Пуи, пуи, пуи!

Сцифероцида. Аккуратнее! Очень узкая дверь!

плавно, прямо, Астарта, на себя! Есть! Прошли!

Манифея. Viva Астарта!

Сафабель. Viva Манифея!

Астарта. Viva Сцифероцида!

Филеро. Вниз по ступенькам, смотрите под ноги, здесь темно, не торопитесь! Шармант! Шармант! Шармант! Бо-вуа, бо-вуа! Бо-вуа, бо-вуа! Тандю, тандю, тандю! Жете, жете! Есть!!! Прошли!!!

Манифея. Viva Боря Красновертов.

Сафабель. Viva Фил Матвеевич Мухин!

Манифея. Viva Клара Абрамовна Пульмахер!

Сафабель. Выносим на улицу! Вдоль по тротуару! Скользко, аккуратно — лужа!

Филеро. Шармант! Шармант! Шармант! Легче, легче!

Сцифероцида. Бо-вуа, бо-вуа! Бо-вуа, бо-вуа! Жете, жете!

Филеро. Шармант! Шармант! Шармант! Отлично несем! К грузовику! Поднимаем! Ставим на кузов!

Сафабель. Поставили! Браво!

Манифея. Viva Лео Толстой!

Астарта. Viva Уильям Блейк!

Филеро. Viva Фолкнер!

Сцифероцида. Viva Достоевский!

Филеро. Viva Пушкин и Дефо!

Сафабель. Viva Тютчев и Заболоцкий!

+++

Филеро. Все по местам! Поехали!!!

Сафабель. Viva император!

Сцифероцида. Viva императрица!

Астарта. Viva император!

Манифея. Viva император!

Занавес.

Москва, 2007-2023 г.